

Société des écrivains des Nations Unies à Genève
United Nations Society of Writers, Geneva
Sociedad de escritores de las Naciones Unidas

Ex Tempore

Revue littéraire internationale
Volume XVII - décembre 2006

An International Literary Journal
Volume XVII - December 2006

Revista literaria internacional
Volumen XVII – diciembre 2006

Nations Unies, Genève United Nations, Geneva
Naciones Unidas, Ginebra

Table des matières/Contents

<i>Impressum</i>	4
<i>Prologue</i>	6
<i>Essais/Essays/Ensayos</i>	
. <i>Petrarch: Father of Humanism (Ita Marquet)</i>	8
. <i>How Do You Kill a Myth? (Nedd Willard)</i>	10
. <i>Voltaire et la gent feminine(Raymonde Morizot)</i>	13
 <i>Théâtre/Theater/Teatro</i>	
. <i>Dreamworks (Aline Dedeyan)</i>	16
. <i>The Eagle Flies on Friday (Ronald Neal)</i>	24
 <i>Réflexions/Reflections/Reflecciones</i>	
. <i>Purple Cows (AdeZ)</i>	33
. <i>Sagesse des Nations (Abdel-Rahman Mustafa)</i>	38
. <i>Reflections (Nicolas Rozeau)</i>	44
. <i>Libre à vous (Remi Salin)</i>	44
 <i>Nouvelles/Short Stories/Cuentos</i>	
. <i>Being Had (David Walters)</i>	46
. <i>Off the Bridge (Bob Echols)</i>	50
. <i>The Loud Reader (Zeki Ergas)</i>	54
. <i>Ma Liste de Priorité (J. Alexis Koutchowmow)</i>	57
. <i>J'ai encore revé d'elle (Nicholas Rozeau)</i>	60
. <i>Neglected Roses (Walid Al-Khalidi)</i>	62
 <i>Pages poétiques/Poetry/Poemas</i>	
. <i>Spring, Siesta (Alexander Klovov)</i>	64
. <i>Congratulations, How could I forget you? Pale Emotions, After getting together, If I could, The Imitation (Walid Al-Khalidi)</i>	65
. <i>Destin(Alex Caire)</i>	70
. <i>Wenhui</i>	71
. <i>Congratulations on Wenhui (Xiao Zhou)</i>	72
. <i>Sentiments on New Year's Eve, Casual Thoughts (Han Xiaoxin)</i>	73
. <i>Kronberg of Denmark (Qiao Zhicheng)</i>	74
. <i>Vu à la télé, . « R », Favorite (Cécile Elshami)</i>	75
. <i>Peuples (Alex Ezana)</i>	77
. <i>People (VCS)</i>	78
. <i>Femme, Les Filles et les Roses (Michaud Michel)</i>	79
. <i>La plume du Phénix (Thaïs Dobberstein)</i>	82
. <i>Sans Oiseaux (Roger Prevel)</i>	83

. <i>Miroir (Alex Caire)</i>	84
. <i>Petite Fleur (Hoang Nguyen)</i>	85
. <i>Summer Was Passing, Down a Well (Nedd Willard)</i>	87
. <i>Job Application (Maureen Gumbe)</i>	89
. <i>The Fallen Hero (Ngozi Ibekwe)</i>	90
. <i>Matrimonial Variable (Richard Scheeler)</i>	91
. <i>Blue Rose (Vatsala Virdee)</i>	92
. <i>Passing Fair Isle at Dawn, Earth Shine, Waiting for the Train (Alistair Scott)</i>	93
. <i>Only, In Search of Statues (Karin Kaminker)</i>	96
. <i>And the Moon (Zeki Ergas)</i>	101
. <i>Manichaeian Games (AdeZ)</i>	102
. <i>Gulls, Past the Season, Sanctuary (Beth Peoc'h)</i>	103
. <i>Flashback, Commuter World, Nocturnal Paranoia (Bohdan Nahajlo)</i>	106
. <i>Moods of Music, Roses (Ginny Rogers)</i>	108
. <i>Word Bites (Alexa Intrator)</i>	110
. <i>Bureaucrat's Poem (Peter Auer)</i>	111
. <i>Stormy Weather (Victoria Slavuski)</i>	112
. <i>Brave New World (Zafar Shaheed)</i>	113
. <i>Raven's Song (Sygun Schenck)</i>	115
. <i>Reptilian Eye, Granny Wisps (Samar Shaheed)</i>	116
. <i>Loves, Lost Lanes and more L's (Camilo Antonio)</i>	118
. <i>The Mud Puddle and the Moon (Ray Barry)</i>	119
. <i>Europa and the Bull (KeK)</i>	120
. <i>Elysian Rune (Mauricio Gancefort)</i>	121
. <i>Barcelona, Incertidumbre (Martha Beatriz Rodrigues)</i>	122
. <i>Desaparecidos (Noemy Barrita Chagoya)</i>	124
. <i>A Fílida, (Maria Elena Blanco)</i>	126
. <i>Hocusfocus (Dick Moens)</i>	127
. <i>Ewiges Wissen, Der Menschen Liebe (Johann Buder)</i>	128

Translations/Traductions/Traducciones

. <i>The Précis-writer, 2006 U.N. English Language Service Poetry Translation Contest (André Barré, Nigel Lindup, Jean Rose-Benoit, Vicky Oliveira)</i>	130
. <i>Burning Houses (Ebenezer First-Quao)</i>	133
. <i>Nature (Rafael Rodríguez)</i>	134
. <i>Steps, translation of Hermann Hesse "Stufen" (AdeZ)</i>	135
. <i>Sous tes ailes, Le collier, Clandestins (Francesca Rosati)</i>	136
. <i>The Kremlin Gravedigger (Galina Ivanova)</i>	139

<i>SCAT-Staff Cultural Activities Thursdays</i>	155
--	------------

**United Nations
Staff Society of Writers**

President	<i>Karin Kaminker</i>
Vice-President	<i>Carla Edelenbos</i>
Secretary	<i>Alexa Intrator</i>
Treasurer a.i.	<i>Janet Weiler</i>
Editorial Board	<i>Walid Al-Khalidi</i>
	<i>Ximena Böhm</i>
	<i>Aline Dedeyan</i>
	<i>Irina Gerassimova</i>
	<i>Beth Peoc'h</i>
	<i>Nicolas Emilien Rozeau</i>
Founder and Editor-in-Chief	<i>Alfred de Zayas</i>
Honorary President	<i>Sergei Ordzhonikidze</i>

This is the seventeenth issue of Ex Tempore, which has been published since 1989. We are grateful to all who helped make this number possible, and invite all members of the UN family, staff, retirees, members of the diplomatic corps, press corps, NGO-community, consultants, fellows and interns to become our readers and supporters.

The Editorial Board is proud to publish in this seventeenth issue contributions from 58 authors, in Arabic, Chinese, English, French, German, Russian, Spanish and Vietnamese. For its eighteenth issue, the editors welcome the submission of crisp, humorous or serious prose and poetry. Essays, short stories, science fiction, plays, poems, reflections or epigrams may be forwarded in electronic form to Karin Kaminker (kkaminker@gmail.com) or to Alfred de Zayas (zayas@bluewin.ch).

Ex Tempore is not an official United Nations publication and responsibility for its contents rests with the Editorial Board and with the respective authors. The final choice is made on the basis of literary merit and appropriateness to a publication of this kind. The copyright remains with the authors, who are free to submit their manuscripts elsewhere. Some articles may be published under pseudonym; others do not identify an organization but use the acronym UNSW/SENU to indicate membership in the United Nations Society of Writers/Société des Ecrivains des Nations Unies. Financial donations to assist Ex Tempore with its expenses and membership fees (SF 30 per year) may be forwarded to the UNSW/SENU account No. CA-279-100-855 at the UBS, Palais des Nations, United Nations, Geneva.

Publishing: A. de Zayas, K. Kaminker, Jean-Luc la Planeta

Cover design: Diego Oyarzun-Reyes

*Artwork: Polina Ivanova, Bernard Bouvier, Remi Salin, Touvu, Dick Moens
& Sana Fenniche*

Photos: Cécile Elshami, K. Kaminker, A.de Zayas, Michael Gerrard

ISSN 1020-6604

PROLOGUE

In 2006, *Ex Tempore* has been celebrating the bicentennial of Elizabeth Barrett Browning, the centennial of Samuel Beckett, the 250th anniversary of the birth of Wolfgang Amadeus Mozart and the 400th anniversary of the birth of Rembrandt van Rijn.

In 2007, we shall mark the centennials of Daphne du Maurier (*Rebecca*, *The Birds*) and of W.H. Auden, who in a poem entitled “September 1, 1939”, deplored the outbreak of the Second World War. The poem ends with the resigned and yet affirmative lines:

“All I have is a voice
 To undo the folded lie,
 The romantic lie in the brain
 Of the sensual man-in-the-street
 And the lie of Authority
 Whose buildings grope the sky:
 There is no such thing as the State
 And no one exists alone;
 Hunger allows no choice
 To the citizens or the police;
 We must love one another or die.

Defenseless under the night
 Our world in stupor lies;
 Yet, dotted everywhere,
 Ironic points of light
 Flash out wherever the Just
 Exchange their messages:
 May I, composed like them
 Of Eros and of dust,
 Beleaguered by the same
 Negation and despair,
 Show an affirming flame.

This affirmation of *Logos*, reason and life is still needed today, as we continue to be beleaguered by injustice, senseless wars and violence.

In 2007, we shall also honor the bicentennial of Henry Wadsworth Longfellow, who condemned the concept of ethnic cleansing, before this term was coined in the former Yugoslavia. Longfellow devoted his epic poem “Evangeline” to the 1755 “ethnic cleansing” of 15,000 peaceful French-Acadian farmers, whom the British Governor of Nova Scotia decided to expel, splitting families forever, separating spouses from each other and from their children. The Acadians were banished and scattered throughout the other British colonies, where they would never see each other again:

“This is the forest primeval, but where are the hearts that beneath it
 Leaped like the roe, when he hears in the woodland the voice of the huntsman?
 Where is the thatch-roofed village, the home of Acadian farmers,--
 Men whose lives glided on like rivers that water the woodlands,
 Darkened by shadows of earth, but reflecting an image of heaven?
 Waste are those pleasant farms, and the farmers forever departed!
 Scattered like dust and leaves, when the mighty blasts of October
 Seize them, and whirl them aloft, and sprinkle them far o’er the ocean,
 Naught but tradition remains of the beautiful village of Grand-Pré.”

May 2007 bring us less war and more justice. *Quod bonum, faustum, felix fortunatum que sit* (Cicero, "De divinatione" 1, 45, 102) *Wat goed, gunstig, gelukkig en gezegend zij. Was gut, günstig, glücklich und erfolgreich sei. Ce qui soit bon, favorable heureux et prospère. Que sea lo bueno, feliz y próspero.* May it be good, generous, felicitous and blessed!

**Alfred de Zayas, UNSW/SENU
 et Président du Centre Suisse romande
 du P.E.N. International**

A.de Zayas joins K.Kaminker in a reading of her bi-lingual poem «Apu, the Mountain God» at a recent Ex Tempore literary soirée.

Essais

Essays

Ensayos

FATHER OF HUMANISM:

Francesco Petrarca (1304-1374)

I recently returned to the Eugeanean Hills in Italy to take the waters that are available in the nearby small thermal towns of Abano and Montegrotto. The hot springs that flow from I Colli Euganei to the spa centres there help to bring feelings of health and well being to body mind and soul, good for young and old.

It was also an occasion to revisit the medieval village of Arcqua Petrarca to learn more about the Italian poet and humanist, Francesco Petrarca. He already inspired me to write about his life and work in Italy and in his spiritual home of the Vaucluse in France. Described as the first humanist, he is widely honoured in tomes of literature, library-museums and many other places too.

Petrarch and the past

In his own time Francesco Petrarca was recognized most of all for his Latin writings and not for his Italian poetry. It was, in fact, for his Latin epic, *Africa*, and for not his Italian rime that at the age of thirty-seven he received the crown of the poet laureateship in Rome in 1341. He saw Rome for the first time early in 1337, and the ancient ruins deepened his admiration for the classical age.

Father of Humanism, the complete bibliography of Petrarch, first attempted in Trieste 1828, forms a considerable volume. The Basel edition of 1581, in folio, is the basis for all subsequent editions of his collected works. Oxford World Classics has a translated edition of Selections from the *Canzoniere*, or Song Book, and other works by Petrarch. Its select bibliography covers translations, editions, criticism, and Petrarch's influence. Cyberspace has opened a vast window on the life and writings of Petrarch. Much of his classical and so-called popular work, with iconography, is available on-line as is comment and analysis by historians and scholars worldwide.

Petrarch and the present

In November 2003 it was announced that pathological anatomists would be exhuming Petrarch's body from his casket in Arcqua Petrarca in order to verify nineteenth century reports that he stood 1.83 metres, which would have made him very tall for his period. The team also hoped to reconstruct his cranium in order to obtain a computerized image of his features. Unfortunately, DNA testing in 2004 revealed that the skull found in the casket was not his, prompting calls for the return of the skull.

To mark the 700th anniversary of the great man's birth, exhibitions, musical, literary, poetry and other major cultural events were held in Italy and in France. With official patronage of the Italian Embassy in France, and the Department of the Vaucluse, an international colloquium was held in Avignon (22-24 January 2004) on the theme of *Defence and Illustration of Humanism*, in which many international historians and scholars participated. It was a public event and its proceedings are expected to be published in due course.

The closing event of the celebrations took place on 24 August 2004 at L'Ile-sur-la-Sorgue, a short distance from Fontaine-de-Vaucluse, with a poetic-musical dialogue of Petrarch's "Lettera amorosa" to his beloved Laura de Noves.

On 6 May 2006 in Geneva at the Forum Theatre, Meyrin, there was another poetic-musical event of excerpts from Francesco Petrarch's work *Il Canzoniere* played and sung in Italian by Huelgas Ensemble from Belgium, conducted by a star of Renaissance music. Performed in madrigal style, the Renaissance instruments, including clavecin, added authenticity to the concert drawn from 366 love poems in the *Song Book*, written and dedicated to his beloved Laura de Noves, about whom literature continues to discuss as his real or imaginary love.

As **Father of Humanism**, events past and present will keep the life and influence of Francesco Petrarca to the fore in the 21st century and well beyond.

Ita Marguet, ILO (retired)

HOW DO YOU KILL A MYTH ?

A myth is not a fairy tale about Snow White and the seven dwarfs or Atlantis and its vanished kingdom. A myth is something that influences the way people feel and, most importantly, the way they act. Myths can give you the feeling that you belong to a superior race, that your country is racially pure, or has some inalienable right to govern over others. There are some myths of our recent times. Many of them have died. Some are unfortunately very much alive.

Myths that are confined to small populations or poorly armed citizens are not too dangerous, except to their immediate neighbours. But the current myth about the Way of Life, symbolized by the American Cowboy, has a worldwide impact that has proved lethal in effect.

Signs of this myth are all around us. Every time you see someone, most frequently a teenager, light up a Marlboro cigarette, you are seeing the myth in action. In fact, draw a cowboy hat in Lagos or Katmandu, and, of course, in Europe, and recognition is immediate, although individuals pretend that it has no effect other than to help them choose a certain brand of cigarette. But why *that* cigarette?

One way to kill a local myth is to get the fact of a more objective history across. For example, it should be better known that a rainbow of invaders has conquered all the countries of Europe over the past four thousand years. Thus the gene pool has not remained 'pure' but in reality has been greatly enriched. It is still vital to get this bit of history across to all the members and would-be members of the European Union.

But the myth of the cowboy is more insidious, and continues to be promoted on a scale of magnitude, aided by all the media, never seen before. Put simply: the myth convinces people that there exists a country on earth where the way of the cowboy reigns even into the 21st century. The cowboy there is a free soul, alone on his horse and armed at all times. He decides who is good and who is evil. After he encounters the evil ones, rather than bothering the law or judges, he exterminates them and so wins the eternal gratitude of the more cowardly citizens of the village he liberates.

It is worth noting that the cowboy has no wife, no job, never works, and if he makes money, it is the reward for capturing or killing villains. He never stays behind to go about the dull business of daily life. He is pure man, or *macho*, the kind so many city dwellers of the world enjoy being in their imaginations. (An unsolved mystery is why the cowboy also appeals to women smokers.)

The best illustration of this myth and its international outreach are "Western"

movies. Those that used to be made in Italy and Spain by Sergio Leone starring Clint Eastwood or Charles Bronson are good examples. Their plots are simple to the point of inanity. A cold-eyed stranger on his horse arrives somewhere. Villains are seen doing their villainous deeds. The stranger then kills them all in a variety of imaginative ways. Dead bandits even fall gracefully from the open windows of the saloon hotel, where they had been cowardly sniping at the Stranger.

Most serious historians estimate that the saga of the free ranging cowboy in the United States probably lasted about thirty years. They were hardworking men and most of them died dirt poor. It was not the cowboy but professional gamblers, many of them pimps, and gangs of disbanded soldiers left over from the civil war, who did the shooting.

Mark Twain, who lived out West when it most resembled the myth, painted an acid picture of one of the most notorious among them. This brute had killed a number of men, but on one occasion his adversary had the drop on him. He challenged him boastfully by saying, "If you aren't a coward, put down your gun. If you aren't a coward, fight like a man with your fists". The other man put down his gun, put up his fists, and Slade then shot him dead on the spot in cold blood. So much for Western chivalry.

The myth of the cowboy also has been stretched to include any man or woman who acts cool, in other words, betrays no emotion -- whatever the situation. So do psychopathic criminals. Slowly drawing on a cigarette or clenching a cigar between the teeth adds to the picture.

It is hard to know how to kill this myth, but the reason for doing so should be evident. The killer cowboy has mutated into the cold-eyed killed soldier, the ruthless undercover agent or vengeful armed policeman. This myth encourages police states where both the law and the peaceful individual are silent. Recently, emphasis has shifted from the lone cowboy to the tough two man buddy squad, who despise law and compassion just as much as the killer cowboy.

If we cannot kill this myth, it will go on killing us. Police states are partially maintained by it and their number has increased in the twentieth and twenty-first centuries. The myth is a menace to democracy and helps strangle what is left of democracy in its unguarded cradle.

The problem is how to put it to rest. Those who promote the myth make most of the films shown on the movie and TV screens in our world. Lawless states are aided by paid intellectuals, and academics of various stripes, whose seemingly scholarly ideas in favour of powerful elitist nations are little more than camouflage for unjust societies

and ruthless practices.

Ending this myth will not therefore be an easy task, or even pleasant. It should begin with more factual history about those men who make their own laws and enforce them and show contempt for ordinary citizens. None of us should accept armed men who claim they can distinguish who is good and who should be assassinated. Nor should we accept any country's behaviour based on such assumptions. Even in conversation, we should stamp on this ugly myth whenever it appears. And we had better start today.

Nedd Willard, WHO (retired)

VOLTAIRE ET LA GENT FEMININE

Il n'est pas plus misogyne qu'une femme. Qu'on en soit assuré, parole de femme : la mère préfère sans vergogne son fils à sa fille ; ces dames sont d'une jalousie implacable entre elles. Il est bien connu qu'il n'est de paix qu'entre hommes, sauf lorsqu'ils font la guerre, ce qui n'est pas rare du tout.

Voltaire, qui plaida fort bien la cause des femmes, s'était-il aperçu de tous leurs défauts ? Fort peu. Sa célèbre lucidité fut-elle aussi infaillible qu'on le dit ? Que non point lorsqu'il est pris au piège de ses sentiments, Voltaire/Candide devenant alors le plus vulnérable des hommes. Etre l'écrivain de son siècle n'implique nullement que l'on soit heureux en amour et il ne le fut pas. La liste de ses déceptions amoureuses serait longue et ennuyeuse mais elles portent toutes la même empreinte : quels que soient la durée et le style de la liaison, Voltaire est immanquablement objet de trahison et supplie humblement qu'on lui garde quelque amitié.

Il ne fut pas toujours le vieillard édenté que Jean Huber se plut à ridiculiser en fin de vie. Son charme ne manquait pas d'atouts quoique l'on en dise et en dépit des considérations de mode devenues déplacées et tenant souvent à la perruque pour le Patriarche de Ferney. A l'époque où régnait le bon goût, son élégance était indiscutable. Son esprit était compris, recherché et admiré. Son regard brûlait d'une fièvre autant attribuable à la mauvaise santé qu'à la passion. Mais lui, qu'avait-il à offrir à ces dames au-delà des pirouettes de salon où le devoir de l'homme bien ou mal né consistait à « faire sa cour » aux laiderons et beautés pêle-mêle dont les âges étaient variables ?

Amoureux transi, il vivait sa passion d'une manière toute cérébrale. Son manque de confiance en lui à l'égard de l'autre sexe est indiscutable et tient à une absence de virilité résultant de son état chétif. Hypersensible comme l'artiste dramaturge qu'il était, son caractère était pour le moins difficile. Il eût fallu bien de l'abnégation à une compagne au long cours, sans oublier l'essentiel : le soutien moral dans ses luttes contre l'Infâme. L'abnégation est généralement bien portée au féminin mais il ne rencontra aucune dame qui en fût pourvue, pas même la célèbre marquise du Châtelet quoique l'on en dise et qui lui dut tout de la célébrité en question !

Cessons de fantasmer sur cette vedette féminine dont on continue de trop parler. Son prestige trouve ses racines dans le mythe de la femme intellectuelle qui sévit actuellement. Peut-être aussi dans le zèle que Voltaire mit à la rendre aimable envers et contre tout, probablement pour s'en convaincre lui-même. Non moins intéressantes sont ses liaisons avec les femmes artistes, qu'elles soient actrices ou aristocrates. C'est chez la marquise de Bernières qu'il retourna mourir dans cet hôtel parisien où il fut son locataire et amant quelque 50 ans plus tôt. La correspondance avec Marguerite-

Madeleine du Moutier présidente de Bernières (une trentaine de lettres) n'en reste pas moins le seul dossier qui subsiste de Voltaire amoureux et trahi, à défaut de la correspondance avec Emilie du Châtelet qui fut détruite par un mari qui avait aussi le droit d'être là. Les billets de rendez-vous en italien adressés à la nièce ne mériteraient guère cette qualité. Parlons-en de Madame Denis ! Sa vénalité connue de tous nous pousse à dénigrer celle qui sut réchauffer les sens de Voltaire vieillissant et le materner, lui qui garda toute sa vie la nostalgie d'une mère trop tôt disparue. Glissons cependant une exception à la liste de ces femmes traîtresses : la comtesse de Bentinck qu'il connut en Prusse. Tout porte à croire qu'il y eut loyauté et solidarité réciproques, la séparation due au départ de Berlin les ayant éloignés définitivement.

Nul ne contestera néanmoins que *Ce qui plaît le plus aux femmes* est leur goût du commandement nous rappelle Voltaire. Mais il ne vit pas que c'était là leur seule compensation, le pouvoir n'ayant jamais été partagé. Il admira les femmes chefs d'Etat, voulut éduquer les filles mieux que les nonnes, ce qui n'était pas difficile. « Et s'il me plaît à moi d'être battue ? » s'obstine à nous répéter Molière que Voltaire admirait tant. Il voulut que ces dames fussent des êtres pensants à part entière, renonçant au rôle dégradant de poupées. Et s'il leur plaisait à elles d'être poupées ? Toujours champion des causes perdues parce que prématurées dans la conscience collective, Voltaire ne pouvait qu'être payé d'ingratitude.

La femme moderne, quant à elle, a bien compris que le rôle de poupée est infamant. Mais Voltaire serait certes bien déçu de la voir se déguiser plutôt qu'elle ne s'habille pour affirmer sa qualité pensante. Ces femmes en jeans savent-elles ce qu'elles doivent à Voltaire ? Elles lui reprocheraient sans doute sa *Zaïre* un peu pleurnicharde si elles l'avaient lue... Toujours ingrates.

Demandons-nous encore ce qu'il serait advenu des sarcasmes voltairiens que nous redoutons tant leur vérité nous remet en question s'il avait été donné à Voltaire de vivre un épanouissement affectif quelconque... Car enfin quoi de plus banal que de mordre à défaut d'être aimé ?

Raymonde Morizot, BIT (Retraitée)

THÉÂTRE

THEATRE

TEATRO

DREAMWORKS

Daisy : Jeune femme blonde, épouse et mère de famille, rêve d'être star. Son idole «Marilyn Monroe »

Smart : Femme, la cinquantaine, intello/écrivaine désabusée, nostalgique de la scène.

Un studio de théâtre. Entre en scène Daisy répétant: « Qui a pris mes boîtes de suprême de poulets. Où sont passés mes cuisses de poulets, etc. Apparaît Smart, imitation G. Garbo faisant des « do ré mi fa sol la si do » intercalés d'airs d'Edith Piaf. L'impression qu'elles se préparent à une audition.

Smart – (exaspérée) Arrêtez donc avec vos « qui a pris mes boîtes de suprême de poulets... » ! Ca suffit, non ? C'est tout ce que vous avez dans votre répertoire ? Des histoires de poulailler ! Ca donne la nausée !

Daisy – (tapant du pied) Et vous alors avec vos « do ré mi fa sol la de cette voix éraillée! C'est infernal ! Vous démolissez la pauvre Piaff ! C'est ça votre audition ? (Reprenant son monologue) Quand on n'a pas l'oreille parfaite, on ne fait pas du chant !

Smart – (allant chercher une cigarette) Et quand on a une langue aussi mal pendue, on ne parle pas ! (Se retournant brusquement). Mais, est-ce possible ? Il me semble que je vous connais ! C'est bien Daisy ? Daisy !

Daisy – Smart ! Impossible, je rêve !

Smart – Non, Daisy, tu ne rêves pas ! C'est bien moi, Smart ! Dieu, quelle coïncidence ! Je n'en crois pas mes yeux. La belle Daisy. Mais qu'est-ce que tu fais ici ?

Daisy – Et toi, ma grande Smart ? J'imagine que t'es là pour une audition ? Pourtant, je croyais... j'étais sûre que tu avais quitté Genève pour de bon ! C'est fou comme tout le monde se rencontre dans cette petite ville.

Smart – Ben oui ! (Répétitif) C'est fou comme tout le monde se rencontre dans cette petite ville ! Genève ! Oh ! la vache, mais ça fait un bail ! Le hasard, qu'est-ce que tu veux, il a fallu, enfin, je suis retournée...

Daisy – Je t'entends encore dire que tu ne resterais pas un jour de plus ici ! Que Genève

était une ville maudite pour les esprits révolutionnaires. Je ne me rappelle plus de tes mots exacts mais que c'était une sorte d'enfer ...

Smart – Pour les artistes, les créateurs, les dissidents, tous ceux qui veulent aller au-delà des lieux communs, s'insurgent contre la médiocrité, le nivellement par le bas ... quittent impérativement cette ville pour se réaliser, s'accomplir ...

Daisy - Oh là la, ah, oui, je me rappelle maintenant ! Et maintenant qu'est-ce que tu fais ici ? J'imagine t'es là pour te présenter au e casting du rôle de la femme qui « après avoir sombré ... »

Smart – « Finit par retrouver le chemin des coulisses » ! (*Elles éclatent de rire*). Ben, oui ! Quelle mémoire ! Tu te rappelles du fameux atelier théâtre près de Montréal ! Notre séjour dans une ferme désaffectée et l'interminable voyage dans le bus ? Rien que nous deux en se demandant dans quel trou on allait atterrir. Oh là la ! Qu'est-ce qu'on avait rigolé !

Daisy – Bien sûr ! La fameuse Smart qui se roulait par terre tout le temps ! Mon Dieu que le temps passe !

Smart – Daisy, t'as changé, t'es superbe ! Mariée, des enfants, des propriétés ?

Daisy – Si tu devines juste. Un premier mariage. *A delete*. Dont mes deux filles, magnifiques, mes petits chefs-d'œuvre à moi ! Ensuite une rencontre bouleversante. Un certain Benoît qui m'enlève à ma ville et à ma vie ... et, comme tu devines, m'emmène à Genève !

Smart – A Genève ! *You've come a long way, mam!* (*Un temps*) Dire qu'à l'époque on était des comédiennes chauffées à bloc, les *Wild Sisters* : Miss Smart et Miss Daisy, deux petites folles de la scène. On voulait monter au top, brûler les planches, devenir des stars, célèbres, adulées ! Et après tant d'années, nous voilà dans ce studio suffoquant à se poser des questions ... à attendre... à se dire « on repart, *tovarisch!* »

Daisy – Même si le temps passe, les illusions restent, le désir aussi ! Pas vrai, Smart ? Ca y est, j'y suis ! Le rôle de la vieille militante, c'est pour ça que tu es là, n'est-ce pas ? Tu sais que la première fois que j'ai lu le texte j'ai pensé à toi sans jamais me douter que je te rencontrerais ici aujourd'hui ! Un drôle de pressentiment.

Smart – Les imprévus, il arrive qu'on les sente, qu'on les anticipe même ! Je ne pensais pas te trouver ici non plus, mais au fond de moi-même je savais qu'il fallait que je me présente à cette audition ! Même sur les chapeaux de roues (*Se regardant dans un miroir imaginaire*) En me demandant si je pouvais encore m'imaginer sur un

plateau, chanter, apprendre des textes, me relooker, devenir une comédienne rompue au feu sacré...

Daisy – Bien sûr ! Smart, l'éternelle, l'imbattable ! Au fond pourquoi te poses-tu toutes ces questions maintenant ? Quand je t'ai connue tu ne parlais pas comme ça ! Rappelle-toi, tu étais la seule à nous redonner du punch quand on baissait de régime ! T'as changé ...

Smart – Laisse tomber, Daisy. Aucune importance ! Je vois des ombres un peu partout ! Raconte-moi plutôt ta vie, parle-moi de ta famille !

Daisy – La famille, ah ! Oui ma famille ! C'est nickel, Smart ! Refaite, re-soudée, on s'entend à merveille ! (*Un temps*) A Montréal, avant de venir ici, je commençais juste à percer dans le monde du show biz. Un pied dans le théâtre, l'autre dans le ciné, je courrais d'un casting à l'autre ! J'avais plein de petits rôles, je veux dire des rôles secondaires, mais c'était positif. J'avancais. Et puis, j'avais mon boulot, mes collaborateurs. En venant ici, il a fallu tout recommencer à zéro ! Pas facile de réintégrer un cadre professionnel ...

Smart - Et le théâtre ?

Daisy - Le théâtre ! La galère ! Je me suis mise à taper à toutes les portes. Si tu veux vraiment te produire faut absolument appartenir à un *gang* ! Sinon, même si t'es en avance et bien dans ta peau personne ne s'intéresse à toi ! On se méfie de ta différence et surtout de ton talent. Et gare si tu veux dépasser les autres, les conventions ! C'est la panique, on t'éjecte d'office. Quant au niveau je suis plutôt sceptique, il y a de la recherche mais...

Smart – Do ré mi fa sol la si do ! Je connais la musique !

Daisy – Ca y est, je retrouve mon Smart ! Ma grande délurée ! Et toi, qu'as-tu fais ? Il me semble que t'avais des contrats avec l'ONU ?

Smart – Ah, oui ! Mes contrats avec l'ONU, des courts et des longs ! Comme des blogs. Missions en Afrique, en Asie, au Moyen-Orient, le face-à-face quotidien avec le sous-développement à l'état brut ! Toute une période ! Même si au début je me sentais perdue et déboussolée, j'ai finis par m'y habituer. Ensuite à réfléchir. Comment changer la mécanique de ces sociétés, amener de la démocratie, de l'autonomie ? En supposant qu'elles le veulent....

Daisy – Et tes relations ?

Smart – Bordéliques et intéressantes ! Que te dire ? Tu essayes, tu t'accroches, les fameux ICC : improvisation, composition, compromis, et un beau jour tout craque ! Les repères fichent le camp. Tu ne sais plus comment réagir. Alors tu te laisses dériver ... vers je ne sais où. Disons que c'est de l'expérimental d'un bout à l'autre ... même si parfois t'as l'impression de toucher terre

Daisy – Et pas un seul individu qui tient la route ?

Smart – L'homme parfait ! Tu plaisantes ! Routine et conventions ou le *no man's land* ! Daisy, tu sais bien que je suis vissée à l'éphémère ! (*Elle chantonne*) *Quant il était là, je rêvais d'au-delà, mais quand il n'était plus là, je me mordais les doigts ... (ou une autre chanson, « someday he'll come along, the man I love ... »)*

Daisy – Et pourtant, une battante comme toi ... !

Smart – Je n'aime pas les refrains, ça te colle à la peau...

Daisy - Mais quel refrain ?

Smart – Un même discours qui se termine dans l'impasse ! J'ai fini par quitter l'ONU et le milieu international, Daisy ! Du moins temporairement. Et petit à petit mes rapports avec le travail, le temps, mon entourage, l'ordinaire de l'existence, tout a changé ...

Daisy – Tu as eu des pépins ?

Smart – J'ai même abandonné le théâtre!

Daisy – Ah ! Ca ! Mais pourquoi? (*Silence gênant*) Tu ne veux pas répondre?

Smart – Tu sais bien que j'écris, Daisy. C'est devenu une urgence, un mal. Je gribouille sans cesse, comme une forcenée, une obsédée.

Daisy – Mais c'est génial! Je parie que tu écris sur les femmes? Allez raconte, ça m'intéresse !

Smart – Les femmes, oui ! Et avant tout (*ensemble*) la femme arménienne! Symboliquement! En court-circuitant le passé et le présent, en les fusionnant en une seule réalité. L'image d'une arménité moderne au sens personnel et politique ... Il fallait replonger dans mes racines, laisser parler les tripes, l'irrationnel, le fond du fonds...

Daisy – Wow ! (*S'adressant au public*) Ma vie est réglée comme une horloge suisse. Tic-tac, tic-tac, tic-tac: Debout chaque matin à 6h.15! La grande tasse de *Nespresso*. Un instant de chaleur et de plaisir avant que commence la routine d'une journée d'obligations. Et ce rêve qui revient ! Cheveux au vent, je file au volant d'un cabriolet sport rouge, sièges en cuir, sur une route sinueuse, à flanc de montagne, au creux d'une immense vallée avec l'infini comme horizon et un soleil radieux caressant doucement mon visage. Je suis heureuse, j'anticipe le changement, un nouveau chapitre dans ma vie qui s'ouvre vers l'inconnu, se prolonge, me fait pousser mes limites, je le sens ...

Smart – «*A dream come true* », Daisy!

Daisy – Et pourtant, il y a des nuits où je me sens dans un brasier. Je fulmine comme un volcan en irruption... il suffirait d'une étincelle pour que tout explose. Tu comprends ça, Smart ? Le manque, l'envie, ce désir inexorable d'être sur scène, de me transformer en égérie, d'embrasser le public...

Smart – Le démon du théâtre ?

Daisy – (*en riant*) le grand, le méchant, le gourmand!

Smart – (*Idem*) Qui ne laisse aucun répit tant qu'on n'est pas franchi le seuil de la passion qui ravage et qui dicte tout, son corps, son esprit, son imagination ...

Daisy – (*riant encore plus fort*) j'ai besoin de m'éclater, Smart. Ca se passe non seulement dans la tête, mais comme tu dis partout dans le corps. Un appétit féroce d'arpenter les plateaux sous le crépitement des flashes, le bruissement dans les coulisses, les regards avides du public ...

Smart – Direction Hollywood ou Billancourt ?

Daisy – (*Dos à dos*) Une vingtaine de projets braqués sur moi ! Scène vide, silence de plomb, sensation de chaleur, d'intensité, le temps d'un dernier *kick* et je déboule sur les planches, la tête et le visage en feu transpirant l'angoisse ultime!

Smart – Pour s'embraser des vicissitudes d'une humanité bigarrée ... conflits et dérives, haine et amour, envies et lassitude ... violence... faim Faim de tout ! Des personnages extravagants ...

Daisy – Réels ou imaginaires ! Je les vis, je les dévore ...

Smart - Grandeur et obscénité, l'absurde et l'esthétique...

Daisy – J'en veux, encore et encore, Smart, une métamorphose de chaque instant ...

Smart – *La bomba!* Olé! Olé! Quelle soif de gloire, ma chère Daisy! Dire que moi aussi ... dans le temps ... Tu portes le même virus! Indélogeable! Rien que les sommets, Daisy! *The best of ...*, dans un méta espace ...

Daisy – Tu ne savais pas que j'avais le show biz dans la peau? Une double vie, Smart! Ah, une crise permanente! (*Soudain se reprenant*) Smart, oh là là, c'est presque l'heure! On va nous appeler incessamment. As-tu rempli le formulaire? T'es prête?

Smart – Quel formulaire? Je n'ai rien rempli, Daisy! Ca cafouille dans ma tête! J'ai une sorte de trouille inexplicable... Vas-y, toi! Tu décrocheras le rôle, j'en suis sûre. Moi... moi j'ai encore mon bilan à faire ...

Daisy – Quel bilan? De quoi tu parles? T'as plus le temps de cogiter, ni même d'hésiter, tu le sais bien! Prépare-toi! Tu risques même de passer avant moi!

Smart – Je ne sais pas si je vais me présenter, Daisy! Je ... je ne me sens pas ... je crois que je suis au terminus. Que le moment est venu de m'éclipser, de tourner le dos

Daisy – Quel terminus? Y'a pas de terminus ici! T'es là, à côté de moi, et tu parles de tourner le dos! Tu ne te rends pas compte que si tu laisses passer cette dernière chance il n'y en aura peut-être plus! On va te rayer de la liste! Franchement, tu déconnes! T'as un autre projet, c'est ça?

Smart – Si j'ai un autre projet? Mais comment peux-tu imaginer ça, Daisy? J'essaye de trouver les mots ... Le seul autre projet que j'ai est de renoncer à tout, de boucler la boucle et de me laisser glisser dans le néant! C'est trop tard pour revenir en arrière, tu comprends? (*Un temps*) J'ai fait un effort pour venir ici, mais à présent tout me lâche! Comme si j'avais une boule dans la gorge, dans le ventre, qui m'empêche de bouger, de parler, de respirer ... j'ai l'impression de ne plus exister! (*Se reprenant*) Pourtant j'ai rêvé d'une dernière chance de monter sur scène ... de jouer le rôle d'une femme qui ...

Daisy – ... dans le désespoir final retrouve le chemin des coulisses? Oh là là, Smart, toi qui détestes les refrains tu ne cesses d'en fabriquer! Ras le bol de t'écouter! Surtout quand tu parles comme une has been! Tu ressasses le passé comme alibi pour ne pas avancer! C'est l'horreur! Je ne peux pas te voir comme ça! On s'en fout du passé, Smart! Ton terminus, ton néant, ça n'intéresse personne. Alors écrase ta philo et regarde devant toi! Je suis convaincue qu'on ne s'est pas rencontrées pour rien, je veux dire le hasard n'est pas aussi gratuit que tu le crois! Tu réussiras le casting, je te

dis ! Allez, vas-y, accroche-toi !

Smart – (*ramassant son sac sur la table et se dirigeant vers la sortie*) Je m'en vais, Daisy ! *Break a leg, babe* ! Te souhaite gloire et succès. T'es parmi les grands, n'oublie pas ! A bientôt, Daisy ! C'était magnifique de te retrouver, dingue ... dingue...

Daisy – (*bloquant la sortie*) Non, Smart, tu ne vas pas te dégonfler comme ça à la dernière minute, je ne te laisserai pas partir ! Tu ne peux pas baisser les bras ! Smart défaitiste, c'est impossible ! Je t'interdis de quitter ce studio avant ton audition, compris ? (*Elle la conduit de force vers une chaise*) Assieds-toi, respire, lève ta tête et regarde-moi, oui ! Maintenant ouvre ta bouche et chante. Allez chante, chante, chante, je te dis ! (*Elle se met à chanter*) Allez, avec moi (*les deux*) Non, rien de rien ... (*Baisse des lumière. Daisy sort.*)

Smart – C'était à Sydney, retour de mission d'Indonésie, routine check up. Une infirmière, des médecins, une chambre blanche. Une longue attente. Le mot chirurgie qui revient ! Tout de suite. Une biopsie ! Demain, non, ce soir ! Vous avez de la famille ? Vous faites de la sophro ? Détendez-vous, c'est rien. Une petite intervention. On enlèvera la méchante boule avant qu'elle ne se propage ... environ une semaine à l'hosto... Après c'est plus dur ... Ca vous coûtera plus cher ... Vous préférez rentrer chez vous ? Pourtant ça paraît urgent, vauz mieux... On vous fera une péridurale...

Daisy – (*revenant*) Smart, ça a été, dis-moi tout !

Smart – T'es une vraie championne, Daisy ! Grâce à toi ... je n'en reviens pas ! Ouff ! Sur les planches une fois de plus ! Wow ! Ce n'est pas de la rigolade, tu sais ! Faut travailler, sérieusement ! Je vais encore changer, Daisy ! Et toi ? T'as le rôle de Marguerite, sûr ?

Daisy – Tu le savais, hum ? C'est gagné, ma chère ! Je suis folle de joie ! (*Elles dansent*) shoubi doubi, dou... (*Se retournant vers Smart*) Paraît-il qu'on va chanter Piaf ensemble, c'est drôle, tu ne trouves pas ? (*Se posant au milieu de la scène elles chantent Piaff dans un style cabaret.*)

Non ! Rien de rien

Non, je ne regrette rien !

Ni le bien qu'on m'a fait

Ni le mal tout ça m'est bien égal !

Non, rien de rien

Non, je ne regrette rien

Car ma vie, car mes joies

Aujourd'hui ça commence avec toi !

FIN

Aline Dedeyan, UNOG (retired)

Photo: Louise Lombard and Aline Dedeyan performing “Dreamworks” during the 10th annual United Nations Society of Writers literary soirée on Friday, 27 January 2006

THE EAGLE FLIES ON FRIDAY

Synopsis

It's the turbulent 70's in CHICAGO, amid the turmoil of the war in Vietnam, ethnic unrest, college protests, and rank-and-file dissent, that confronts the aspirations of OSSIE ROBOTHAM, a Jamaican émigré. OSSIE ROBOTHAM, an apprentice pipefitter in an affirmative action program, discovers America the *immigrant* way—on the job (where he faces racial and labor strife), at home (where he challenges the Pan-African philosophy of his cousin M'TOOLY MBAAH), and at play (where he learns that payday is playday). In his encounters with the very real characters of the USA—from the one-eyed Polish radical CITIZEN KOSCIUSKO to MELISSA, the feminist intellectual—OSSIE ROBOTHAM, though seemingly unpolished and rural in origin, remains true to his analytical nature, refusing to accept without struggle the 'givens' of his status, nor the consequences that inevitably ensue.

Act I immerses us in the rough underbelly of CHICAGO: an old-line union hall with all the trappings of bluster and bloodletting. JONATHAN NAKAMURA, business manager for A-OK Construction, addresses newcomers to the industry on the advantages of working with the company before giving way to labor leader "BIG BILL" BAILEY and his team (composed of IRA GREENE; SAM 'NBA' JONES; and the ominous specter of THE ENFORCER). "BIG BILL" BAILEY, under the guidance of advisor/consultant IRA GREENE, lectures the apprentices—largely recruited from un(der)employed ethnic minorities and women—on the value of playing the game and thus furthering the social peace program of management and the labor bosses. Orientation, as it were, proceeds according to plan until the unscheduled appearance of the enigmatic CITIZEN KOSCIUSKO, who disrupts the gathering by accusing both management and labor of blatantly disregarding safety standards. He then engages the RANK-AND-FILE DISSIDENT in a lively, though unfocused, debate on the burning social issues of the day: trade unionism, speed-up, martyrdom, Black Power, the media, WASP rule, working stiffs, special interest groups, and "the people." OSSIE ROBOTHAM, a West Indian participant in the building trades, offers his perspective as an outsider looking in, but CITIZEN KOSCIUSKO, hell-bent on mayhem and oblivious to reason, launches a tirade against everything in sight, concluding the scene by ripping to shreds the image (in the form of an oversized poster) and legacy of Samuel Gompers, legendary American union boss.

When Act II opens, we have been transported from the chaos and confusion along Ashland Avenue to the relative serenity of a college campus (which, according to popular legend, is a great place "for finding out what *other* people don't know"). M'TOOLY MBAAH, a part-time student whose full-time ambition is to lead a Back-to-Africa movement, embraces our attention as he performs an elaborate ritual designed to

Enrapture his flock of ‘true believers’. Unobserved, OSSIE ROBOTHAM, distant cousin to M’TOOLY MBAAH, enters, then stands in the shadows and spars—verbally—with the precepts, half-baked truths and denunciations of *The Big Black Book*. Ultimately, M’TOOLY MBAAH, bedecked in a dashiki and carrying an ivory cane, awakens from his trancelike state to behold OSSIE ROBOTHAM and the two vow to renew the ties of kinship and friendship.

Scene II of Act II provides a second glimpse of university living—with the additional accoutrements of a water bed, SONY stereo, color television and *modern* couple. MELISSA, blonde and chic in the New York vogue, expects to receive a Ph.D. in the social sciences, which she will use to advance the cause of feminism; her live-in boyfriend, RICHARD OLNEY TALMAN III, is pursuing a Master’s degree in Business Administration, after having rejected a career in physics (the hard sciences) for his true love in life: money (the more, the merrier is his motto). Their relationship—tenuous, at best—revolves around the mutual disrespect they have for each other’s careers. Just as another argument is about to erupt on Friday night, M’TOOLY MBAAH arrives to introduce OSSIE ROBOTHAM, enabling MELISSA and RICHARD OLNEY TALMAN III to put aside their differences so that a foreign visitor may be properly entertained. And our foursome spends the evening partaking in mock-serious battles, provocative conversation, and assorted fun and games before realizing that their collective cups are empty; in other words, the party’s over.

By the beginning of the third and last act, the curtains have been drawn for the tragic dénouement, CITIZEN KOSCIUSKO strikes a self-pitying pose in Scene I of Act III, as he recounts his personal life to the best friend of the working class (‘good ole Jack Daniels’). However, the Polish radical is forced to take cover when he overhears IRA GREENE and ‘BIG BILL’ BAILEY plotting to eliminate undesirables and malcontents. On the other side of town, OSSIE ROBOTHAM is giddy with joy over the paycheck in his pocket; immediately, he heads for the streets and a taste of Chicago’s nightlife. Bright lights, high-flying banners, and TV cameras command center stage in Scene III of Act III, as local politicians, the media, and A-OK Construction Company personnel are scheduled to appear at a ceremony honoring the successful apprentices. MELISSA, M’TOOLY MBAAH, and RICHARD OLNEY TALMAN III join the celebration on behalf of OSSIE ROBOTHAM, who beams with pride. But the aura of optimism and euphoria is short-lived: the Senator fails to materialize; CITIZEN KOSCIUSKO and the RANK-AND-FILE DISSIDENT slip through a security net; and the MASS MEDIA REPRESENTATIVE expresses disappointment at the lack of “action”. It doesn’t take long for doom—in the form of an industrial accident—to descend. The explosion that occurs blinds OSSIE ROBOTHAM and kills a second worker, leaving the audience dumbstruck. As a kaleidoscope shines on each character, individual versions (and scapegoats) for the events that transpired are offered. In the background we listen attentively to *The Temptations* singing about how “the eagle flies on Friday,” as the MASS MEDIA

REPRESENTATIVE puts the death-knell on the festivities with the ironic remark, “And that’s our lead story for tonight!”

Dramatis Personae:

Ossie Robotham	Jamaican, pipefitter, apprentice in affirmative action training program; speaks in lilting West Indian voice
M’tooly Mbaah	Afro-American, very tall and thin, distant cousin to Ossie Robotham, garbed in a dashiki to fit Pan African outlook
Richard Olney Talman III	Anglo-Saxon descent, bespectacled, former physics student now studying for a Master of Business Administration (MBA) degree, live-in boyfriend of Melissa
Melissa	Feminist, long blonde hair, New York chic in dress and attitude, doctoral student in social sciences

The ethnicity, where indicated, should be maintained for the sake of authenticity.

LOCALE

The play takes place in Chicago, circa 1970.

ACT II SCENE I

The set is a studio apartment in a campus dormitory. Dark bulbs are used to keep light out. The room appears to be one huge map of Africa, with statues, photographs, and other items imported from Nairobi, Kenya dominating. On the wall is a conspicuous ivory cane, apparently to aid in walking. M’tooly Mbaah, wearing long robes, sits in the center beneath a map of the world with Africa as the center. He kneels and then commences to perform some Pan African ritual during which he intones, “Gora sahib, gora sahib” rhythmically clapping as he goes along. Incense fills the air. A door on the far right is where Ossie Robotham enters unobtrusively, preferring to converse in the shadows, as it were.

M'tooly Mbaah (to audience)—See what a soul brother must endure at the hands and shifty feet of his brothers!

Ossie Robotham (loudly)—RUFUS—

M'tooly Mbaah—M'TOOLY MBAAH!

Ossie Robotham (softly)—ENto Bah?

M'tooly Mbaah—M'TOOLY MBAAH!!!

Ossie Robotham—Cousin, in my native Jamaica, reunion always brings tears because what the eyes forget, the heart remembers.

Friendship may well be a renewable bond that spans the bridge of time; but when it is not, it is like the slow ferry: the second time around brings you down.

M'tooly Mbaah (gestures, while cradling a book)—

How long ago indeed—

When the idea of Pan Africanism was but a seed,

Little did the Establishment know

That knowledge of one's self and people had to grow.

Beware AMERIKKA! Your vicious assault on color

humanity has sparked a movement that's on its way:

For necessity demands that we seize the day.

Ossie Robotham—M'tooly Mbaah, if we alley cats remain mute at the placemat to paradise, please purr with us. No one enters the temple of love without surrendering to salvation or damnation.

M'tooly Mbaah—MOTHER AFRICA, soar highest in your resplendent majesty

Because you alone and above all others gave birth to humanoid tapestry.

Let us return to the great traditions of Noni,

Timbuktu, Zimbabwe, Dahomey and the Masai,

Remembering Nat Turner, the Mau Maus, Touissant

L'ouverture, Lumumba, Denmark Vesey, the

Ashanti—they knew how to die.

Turn the white aggrunti into a self-inflicted

Maelstrom,

And annihilate them with the battle cry:

'Semper Malcolm', 'Semper Malcolm'.

Ossie Robotham—Ask me about depression, and I'll tell you how it oppresses; ask me about oppression, and I'll tell you how it depresses. Nothing oppresses like depression. Nothing depresses like oppression. There has to be a way to see what's coming—to probe, to prepare and to prevent. If we study seriously, man, I believe things not in our favor will be

better understood, made ready for reversal. Events don't just happen—you know there's a how, a when, a why as well as a who out there somewhere. The disadvantaged don't have to be hopeless. Life can be as good as it looks. Life, like the good doctor bird, can sing a sweet tune.

M'tooly Mbaah—Analysis! Analysis!

Paralysis! Paralysis! Analysis is paralysis.

Build the African nation

Without excuses, backstabbing or hesitation.

Take aim on the gym shoe set (running and jumping and playing games) that lives the sporting life of round balls,

For wasting our time in between hot dogs and donuts—

Outside the arena there are no curtain calls.

Ossie Robotham—Third World peoples—whether they come from

Panama or Pakistan, Liberia or Lebanon—must ask

themselves why some develop, why others underdevelop.

We have to deal with our own failures and others' successes.

The more you love your country, the more determined you

are to correct its weaknesses. When we West Indians fail, we

blame ourselves; when you Pan-Africanists fail, you blame the

white man. The cripple will never learn how to walk until he

throws away his crutch.

M'tooly Mbaah—Reclaim your distinctive music, ebony brother;

Take my word, it's better than any other.

The Aryans defined Kultur as Mozart

But Coltrane's the superior art.

Opera, symphony, ballet—notice how the haughty

Europeans claim to have invented it all.

Surprise! when we created JAZZ there ended the myth

and there began your downfall.

Ossie Robotham—Imitation's the craft of artless people. The

secret is to be wise and mighty. It's right there in the

history books. Watch Japan watch China; watch Japan

watch America. Speak French!—only if you're Russian,

aristocratic, and cultured; speak French!—only if you're

British, aristocratic, and cultured.

M'tooly Mbaah—They were gun-toting 'settlers', demonic

missionaries, rejects, misfits, convicts—nothing

but a wolfpack of hairy savages,

With such unmitigated gall to think our Fatherland

(through subterfuge) might be conquered or give
in to Dark Age ravages.

Colonialism and slavery (and the attempted extermination
of our Mongoloid brethren tepee by tepee) they
offered as trick or treat, calling it a
constitutional thanksgiving...

Until black warriors spilled da Mastuh's blood and crushed
these subhuman devils, who, fearing the rage and
revenge, pleaded with the valiant and were accorded
an undeserved forgiving.

Ossie Robotham—M'tooly Mbaah, calm yourself, mon—
M'tooly Mbaah (agitated)—Bludgeon the brazen beast! He's a
dirty race-mixer behind closed doors but invokes
lynch-law to save Mary Jane's purity.

What possessed our pitiful ancestors to endure slavery,
torture, rape, mass murder, poverty, hunger to
maintain Uncle Sam's security?

You insult us with your Coon theory of ignoble birth,
As if we can't recapture the future and make dear Frantz
the prophet destiny discovered in *The Wretched
of the Earth*.

Ossie Robotham—My brother—
M'tooly Mbaah—O misguided children of New Mali! Abandon
the Bantustan mentality,

Don't you understand liberation's the unavoidable
reality!

Every negro is an African by special breed;
Believe me, I've heard enough about how the Cape
Coloureds bleed.

Ossie Robotham—Tomorrow cannot come before yesterday.
M'tooly Mbaah—Imperialism's influence extends all the way
to the braided rings of Saturn.

No matter! When vultures covet true riches, they
look to the cradle of civilization for the quick return.
Repay the West for bringing the jungle to our
unsullied shores,

Where once stood a free continent ablaze in glory
there fell a whole world to the plunder of
geopolitics, subject to the dictates of "French"
Somaliland, "Portuguese" Guinea, the "British
Protectorate" in Kenya, the "Belgian" Congo,
"Italian" East Africa, the "Spanish" Sahara and

the South Africa of Boers.

Ossie Robotham—They call it the age of nationalism; they call it the age of internationalism. It's a strange nationalism that says hate everybody; it's a strange internationalism that says love everybody. Since I'm not an American I can't explain why the nationalists hate everybody and why the internationalists love everybody.

M'tooly Mbaah—Neo-Africa is the fearless flagship of Garvey's vision
Sent to unite our redemptive homeland—Mongo and Kongo,
Zulu and Hutu—against kinship division.

Through the plains of Serengeti, down Lake Tanganikya
and across the Zambesi we trek to rediscover mineral
wealth, natural resources, and the forbidden
Treasures of Ghana.

Awaken, noble tribesmen, awaken for these gifts are
yours as the booty on becoming bwana.

Ossie Robotham—Social change is an intractable brute. It defies us as it bruises us; it disarms us as it frightens us. If we try to leap into the future, it shoves us back into the past. The things you didn't do take away from the things you want to do.

M'tooly Mbaah—Chant! Chant! Hum! Hum!
Be a leader, not a bum!

Ossie Robotham—I'll never understand the urban game of style and sophistication. I can't keep up with what's popular in fashion, what's unpopular in art, I'm not made to sip tea in the Pomp Room or chitchat about the experimental ballet. I'll always be a real rural ramblin' on to Shantytown. I can dig the soft words...I'm in a mellow groove...

M'tooly Mbaah—Ujaamaa! Aisha!!

Ossie Robotham—Relaxing with reggae...

M'tooly Mbaah—Revolutionize the revolution...revolutionize the revolution...

Ossie Robotham—Bye Bye Babylon...(claps his hands, then snaps his fingers at M'tooly Mbaah)

M'tooly Mbaah (shakes head—as if awakened from a trance)—
Ossie, sweet cousin, are you really here with me? Bring yourself out of the darkness.

(They embrace warmly and with unabashed emotion.)

Ossie Robotham—Yes, I also bear light.

M'tooly Mbaah—How does it feel being in the walls of ivory?

Ossie Robotham—Well, I like it fine. There's incense in the air...good vibrations everywhere...and I'm a college man!

M'tooly Mbaah—Hand me my cane (points to an object, which Ossie dutifully retrieves), pretty please. I can see you need an education. So many people these days have an exalted opinion of academia.

Ossie Robotham—Am I exalted?

M'tooly Mbaah—Let me give you the lowdown. Colleges are great places for finding out what other people don't know. After you dispense with the dull professors and the sterile textbooks, you're left with the college of hard knocks outside the classroom. That's the school I'm trying to graduate from.

Ossie Robotham—In other words, if you've been to college, you need to be re-educated.

M'tooly Mbaah—Right on! Get down with the get down. What have you been reading?

Ossie Robotham—Sounds like the little red book, does it!?

M'tooly Mbaah—Chairman Mao took the Chinese through one stage, but we've gone to another level with **THE BIG BLACK BOOK** (waves it proudly)...Did you hear what I said? **THE BIG BLACK BOOK!**

Ossie Robotham—So that's your bible.

M'tooly Mbaah—Yep, this is the word.

Ossie Robotham—Is it filled with truth?

M'tooly Mbaah—The truth is tricky. We touch upon the truth when it's relevant.

Ossie Robotham—Where, oh where, are the troops of truth?

M'tooly Mbaah—Truth troops? (joking) You're full of horseflush.

Ossie Robotham—Excuse me, sir. I had a thorough horseflush this morning. Hah! Hah!

M'tooly Mbaah—Sit down for a spell...we'll reminisce...then I'll hip you to what's going on.

CURTAIN

Ronald V. Neal, UNHQ, NY

RÉFLEXIONS

REFLECTIONS

REFLECCIONES

PURPLE COWS

Cicero, Chichero, Kikero, Sisero, Tsitsero – one famous name, and no one really knows how to pronounce the consonants, or where to place the accent.

We might live happier by not questioning received falsehoods, but would only grow old without growing up.

Freedom of thought is prior to freedom of expression.

Serendipity goes beyond *carpe diem*, *carpe noctem*, beyond grasping at fortuity. It means winning the game and holding on, remaining alert to fortune's many moods.

Tomorrow is one day more – and one less.

Some old politicians remain obstinately adolescent.

There are in-built lies in daily discourse.

Waking up from a bad dream is like escaping from purgatory. Waking up from a good dream is like seeing your ice cream melt in the sun.

You do not feel your chains until you try to move.

The frontier between good and bad goes through the human heart.

Those who want find ways, those who don't find reasons.

Disenchantment follows infatuation.

Growing up means burying illusions, one by one.

There is no growing up without mourning.

Men are not as unfaithful as they would like to be. Women are not as faithful as men expect them to be.

Prejudices are psychological protection mechanisms.

If you strip people of their myths, you leave them naked and vulnerable. Beware they

do not weave worse mythologies to wrap themselves in!

The prostitution of the mind is more prevalent than the sale of one's body.

The war on terrorism is as much a rhetorical war as the war on poverty. Thus far poverty is winning. If we do not change our strategy, terrorism will win too.

There are many forms of criminality and only some are legally prohibited.

Wars cause greater moral than material devastation.

The most pervasive harm that a belligerent can visit upon the enemy is to undermine its culture.

The most lasting sequel of wars is the confusion of values.

Some crimes are too gruesome for classification.

Every human being possesses dignity transcending quantification.

The use of statistics in competing victimhood is obscene.

You feel your age when you refuse to read a *mode d'emploi*.

Thank first, complain later.

Culture can and often does coexist with savagery.

Misery and glory cohabit in the same heart.

In danger, pray. Curse later.

Right-wing and left-wing are artificial labels. The non-manipulated human being is a combination of both, possibly with an added green-wing. Any intellectual worth listening to will fly with many wings.

If we spent more time admiring what the world offers freely to all human beings, we would probably hate each other less.

In the cosmology of war, the good and the bad intertwine.
History is more than a beauty contest.

A “failed State” is not just a State with a troubled administration. It is also a State that cannot live in peace with its neighbours.

Life is not making a career. Life is living.

Everyone has a watch, but no one seems to have time.

If we take time to enjoy what we do have, we will have less time to bemoan what we still lack.

It takes years to realize the preciousness of the moment.

Love is accepting your loved one’s vanities.

A bit of vanity improves the personality cocktail.

When you see the green pastures of Switzerland, you almost want to be a cow for a day.

Politicians and generals go into history books. Musicians go into the hearts of generations of listeners. Napoleon is dead. Beethoven lives.

Perpetual progress is a myth. All around us life emerges, grows and dies, civilizations rise and fall. Mesopotamia, Egypt, Persia, Greece, Rome all knew progress and decline. We will too. All we can do is to devise contingency plans for survival.

The Economy ought to serve Mankind, not Mankind the Economy.

Education entails learning to ask questions, not just how to regurgitate answers.

The historian is not a priest who propagates dogma and administers sacraments, but an agnostic in search of truth.

In sport you learn to lose and win, to observe rules, to respect the referee. You can make mistakes without long-lasting consequences, for tomorrow there is another game.

Even a cesspool can reflect heaven.

Truth is a haphazard commodity.

Useful truth becomes dogma. Dangerous truth is heresy.

It is more important that politics follow the law than that the law follow politics.

International law is not an *à la carte bistro*.

World architecture without Greece would be but walls and roofs. The world's museums, parliament buildings, temples and other official buildings are mostly copies of the Parthenon.

Tragedy needs no adjectives.

A good baker makes more people happy than any accountant.

Prizes honour the organizers more than the laureates.

A melting pot sometimes boils over.

The modern world is neither polytheistic nor monotheistic, but rather moneytheistic.

A good lawyer also knows when not to apply the law.

Growing old just happens. Growing up may not.

As we grow up, we abandon our role models, one by one.

Role models are 50% real and 50% what we put into them.

Hero worship should end with adolescence.

Better be a living saint than a dead martyr.

Aspiring to martyrdom is unhealthy.

The Second World War was also Lili Marleen.

It takes temerity to step out of moral certitudes.

It is easier to take candy from a baby than a bone from a dog.

Most people find it easier to close their eyes than their mouths.

Knowing when it is over opens opportunities for a new start.

A country with many laws is not necessarily a country under the rule of law.

The more knowledge, the more doubt.

The ignorant know many certainties.

An adolescent may think that dying for a cause is fine. A mature person knows that living for a cause is more important.

Our goal can be less than changing the whole world. Helping a few people is of value too.

The world of human rights activists is replete with predators who instrumentalize human rights for political motivations and for career advancement.

To educate means not merely imparting information but rather developing in the student the faculty to think independently, to apply criteria and arrive at judgments which may well be different from that of our peers. Indoctrination, by contrast, entails just learning how to follow higher authority and become a consensus-conformist.

Instrumentalizing failure can pave the way to success.

You are well-to-do when you have less time than money.

Religion is a form of poetry.

A single candle can light a million more.

When you point at someone, three of your fingers point back at you.

Sadism is a human trait. Wild animals kill to eat, but they do not torture.

Demonizing one's own shadow does not exorcise the megalomania within.

Sunsets are majestic kitsch.

In the desert you are closer to God.

AdeZ,UNSW/SENU

SAGESSE DES NATIONS

Quatre-vingts proverbes et dictons soudanais

La langue d'origine des proverbes et dictons dont on trouvera une traduction dans les pages suivantes est le dialecte qu'on appelle communément l'arabe soudanais, principale variété dialectale du pays, qui se parle non seulement au centre du pays mais aussi dans les villes et les centres urbains de tout le Soudan septentrional.

Les proverbes sont par excellence des spécimens linguistiques chargés de « référents culturels », d'où la difficulté de les transposer dans une autre langue. La traduction que nous en faisons est assez large, ce qui permet de les rendre dans une formule plus ou moins condensée et d'éviter ainsi des paraphrases ou des explications trop longues. Cependant, pour éviter toute ambiguïté, ou lorsque le « message » du proverbe ne nous paraît pas suffisamment explicite, nous avons dû, dans certains cas, faire suivre le proverbe d'une petite phrase explicative, et dans d'autres, ajouter à l'énoncé du proverbe des éléments, donnés entre parenthèses, pour éclairer le contexte.

L'oeil ne se placera jamais au-dessus du sourcil.

Il est indigne du faucon, lorsqu'il tombe dans un piège, de se débattre. (*Dans le malheur, il faut garder sa dignité*)

Mieux vaut être tué (par l'ennemi) que d'entendre crier sans cesse : « l'ennemi arrive ! » (*Mieux vaut mourir que de vivre dans l'inquiétude*)

Le dromadaire ne voit pas la courbure de son cou.
(*Nos défauts sont mieux vus par les autres que par nous-mêmes*)

On ne peut pas applaudir avec une seule main.
(*On réussit mieux à plusieurs que lorsqu'on est seul*)

On ne redresse pas la queue d'un chien.
(*Il est difficile de se débarrasser de certains défauts invétérés. Qui a bu boira*)

On ne menace pas un requin de noyade.

Avec la crue viennent les crocodiles, et avec la nuit viennent les reptiles.
(*Il n'y a pas de bienfait absolu, pas de bonheur sans mélange*)

S'il n'y avait pas de fissure, on n'entendrait pas de craquement.

(Il n'y a pas de fumée sans feu)

(Seul) un loup est capable de reconnaître le hurlement d'un autre loup.

Dans un pays sans crocodiles, c'est le varan qui se dandine.

Mieux vaut la toux que la bouche cousue.

(Mieux vaut quelque chose que rien)

Le repaire d'une hyène ne saurait être totalement dénué d'ossements.

Mieux vaut être dans l'attente (d'un bon dîner) que d'avoir déjà dîné.

Aux yeux de sa mère, un singe est (aussi beau qu') une gazelle.

Une tortue sait où mordre une autre tortue.

Si ton frère était du miel, il ne faudrait pas le lécher entièrement.

(Il ne faut pas abuser de la gentillesse de ses amis)

(Pour se nourrir) le termite a (tout) essayé, (y compris) la pierre.

(Il ne faut jamais désespérer)

Un homme s'attrape par la langue.

(Un homme qui ne tient pas sa parole n'est pas digne de ce nom)

On ne fait pas garder les chèvres par une hyène.

Ce sont les grands arbres qui portent la gomme.

(La sagesse se cherche chez les personnes d'âge mûr)

Qui a une dent en or a le rire facile.

Un malchanceux trébuchera sur son ombre.

Un malchanceux trouvera de l'os dans un mets de tripes (littér. « poumons »).

(De même que) le trou d'une aiguille ne tient pas deux fils, (de même) le coeur ne « tient » pas deux (amours).

Qui joue avec les chiots ne sera pas à l'abri des égratignures.

(Quand on s'adonne à des occupations peu sérieuses, on peut le regretter un jour)

Dans un pays qui n'est pas le tien, tu peux te promener tout nu.

Offre ton samedi, tu recevras le dimanche (en échange).

Lorsqu'un aveugle retrouve la vue, il amènera un désastre sur les siens.

(On peut craindre le pire lorsqu'une personne d'origine modeste accède subitement à la richesse ou au pouvoir)

L'autruche aurait bien aimé voler aussi bien qu'elle court.

(On ne peut pas tout avoir à la fois)

Un bateau à deux capitaines finit par couler.

Mieux vaut demander à quelqu'un qui a eu une maladie plutôt qu'à un médecin.

Au pays des aveugles, le borgne fera figure de guide.

Le feu enfante la cendre !

(Se dit du rejeton râté d'un illustre père)

Ne cherche pas à devenir poutre d'une maison sur le point de s'écrouler.

(Il faut bien calculer les risques avant de prendre une grande décision)

Toute « qubba » (= mausolée) n'abrite pas (la tombe d') un saint.

(Les apparences sont parfois trompeuses)

Point n'est besoin de pousser un enfant qui vient de perdre sa mère à se lamenter.

(Subir) une injustice (de la part) d'un proche est aussi dur que (de) croquer des cailloux.

Nos pieds nous ramèneront là où notre coeur a battu d'amour.

(Certes) nous ne sommes pas encore morts, mais nous avons déjà traversé un cimetière. *(Certaines choses sont tellement évidentes qu'on n'a pas besoin de les expérimenter)*

On marche mieux après un trébuchement.

Lorsque ton fils grandit, traite-le comme un frère.

Par (souci de) propreté, la femme du savant se met à laver les livres de son mari.
(Se dit pour critiquer l'excès de zèle)

Même si la mort t'épargne, la vieillesse ne te laissera pas (jouir de la vie).

En voulant mettre du khôl sur les paupière d'une femme, un parfumeur lui a crevé les yeux. *(se dit d'une personne sur qui on a placé de gros espoirs pour résoudre un problème, mais qui échoue lamentablement)*

Si tu ne peux l'atteindre, lances-y des pierres.

A quoi sert de tâter un mouton (pour apprécier la qualité de sa chair) après qu'on l'a égorgé ?

C'est à celui qui marche dessus que la braise ardente fait mal.
(On a beau compatir avec une personne affligée par un malheur, c'est cette personne elle-même qui ressent le plus de peine)

Un mur trop bas est facile à sauter pour les chiens.
(Se dit d'une personne sans défense qui est traitée comme bouc émissaire par son entourage)

Quiconque monte sur deux selles tombera, et quiconque embrasse deux chemins s'égarera. *(Se dit pour critiquer l'indécision)*

L'hyène ne s'attaque qu' à la brébis éloignée (du troupeau).
(Une personne est plus vulnérable lorsqu'elle est isolée)

Qui a connu la morsure d'un serpent aura peur de la trace d'une corde (sur le sol).
(On est plus avisé quand on a vécu une expérience pénible)

Un noyé s'accroche même à une paille.

C'est devant son poulailler qu'un coq chante le mieux.
(Nous sommes plus à l'aise dans les milieux familiers)

Tout oison est bon nageur. *(Tel père, tel fils)*

La servante d'un dévot ne saurait s'abstenir de faire la prière.
(Se dit devant une obligation peu réjouissante à laquelle on ne peut, de par sa position ou du fait de certaines contraintes, pas se soustraire)

Un homme de petite taille ne peut être que dépositaire d'une grande sagesse, ou (au contraire) source d'interminables troubles.

Un chameau affamé commence par manger le coussin qu'on met sur son dos.
(Il faut se méfier des réactions d'une personne désespérée)

Sur la rive, nous sommes tous bons nageurs.

Donne ton pain (à faire cuire) au boulanger, même si (tu sais qu') il en mangera la moitié.

Le venin d'un serpent ne lui nuit pas.

Qui a de la farine, ne manquera pas de moyen de faire le/du feu.
(Quand on a l'essentiel, le subsidiaire importe peu)

L'ombre du rônier se jette loin (de son tronc).
(Se dit d'une personne qui profite davantage aux gens éloignés qu'à ses proches)

Un affamé rêve de pain.

N'étire pas tes jambes plus loin que ton matelas !
(Il ne faut pas se surestimer)

Quand on est déjà mouillé, on ferait mieux de nager .

L'aiguille saute (de joie) lorsque on vante (les mérites de) l'acier.
(Se dit d'une personne qui affiche une fierté non méritée)

Pour qui aime danser, il est inutile de cacher sa barbe (de dévotion).

Tout (ce qui sert à nettoyer) est du savon pour les nomades.
(Se dit à quelqu'un qui fait des distinctions trop subtiles)

Ne sois pas une tête, de peur qu'on te coupe, et ne sois pas une queue, de peur qu'on te piétine.*(Se dit pour prêcher la modération, le juste milieu)*

Quiconque est incapable d'avaler salive sur salive ne pourra pas retenir un compagnon.*(Il faut pardonner les petits défauts de ses amis si on veut les garder)*

Lorsque le taureau tombe, les couteaux se multiplient (pour l'égorger).

(Un héros déchu trouvera toujours beaucoup de détracteurs)

Avant (de choisir) ta route, (choisis) ton compagnon (de route), et avant (de choisir) ta demeure, (choisis) ton voisin.

Nul poison ne survit au feu.

Les chevaux de race n'apparaissent qu'à la sortie du (dernier) tournant.
(Les qualités d'une grande personne ne se laissent discerner que dans les moments décisifs)

Un automne pluvieux (littér. « mouillé ») est reconnaissable dès ses premiers orages.

Lorsque tous les remèdes échouent, on ne peut pas éviter le cautère.
(Il y a des moments où on est obligé de recourir aux grands moyens/ de crever l'abcès)

(En marchant) l'éléphant piétine les grains que les fourmis ont amassés (au prix de grands efforts). *(Les petits sont souvent victimes des actes – volontaires ou non- des grands)*

Tu vois bien l'éléphant mais tu attaques (littér. "perces ») son ombre.
(Se dit à quelq'un qui, au lieu de s'attaquer aux vrais problèmes, se contente de «tourner autour du pot»)

Tout ce qui n'est pas cuit à point doit retourner au feu.
(On ne peut pas aller loin en opérant avec des demi-mesures)

Abdel-Rahman Mustafa, UNECA

REFLECTIONS

Tout a commencé par le dépassement de soi,
 au-delà d'eux-mêmes,
 les aventuriers sont devenus poètes.
 Puis, livré à lui-même,
 à la fois si loin des hommes et à la fois si proche d'eux,
 l'individu est devenu Homme.
 Dès lors, le rêve d'Icare ne fut plus un songe enchanté,
 mais une réalité en expansion :
 la liberté de l'esprit par-delà la densité de la matière.
 Les grandes figures de ce monde sont toutes des oiseaux migrateurs.
 Souvent dans les airs, parfois sur mer,
 et toujours sur Terre aux commandes de leur propre vie.
 C'est ainsi que le sang d'encre de cœurs vaillants
 s'est déversé sur les traces de la Vie.

Nicolas-Emilien Rozeau, UNOG

Libre à Vous by Remi Salin, UNOG

SHORT STORIES

NOUVELLES

CUENTOS

BEING HAD

That people on the brink of death may re-live a lifetime in a flash, backwards, Arnold Black could easily believe. Hadn't he experienced something of the sort when he almost drowned, aged ten, or when their coach roly-polied down that escarpment near Agra?

So what was up right now? Clearly his eighty-odd years were coming up for review. But coming mostly forwards and at manageable speed, so presumably there was no cause for immediate alarm.

He braved the discomfort in his stiffening neck to glance at his ward-mates – three old crocks patently ready to go the way of all crockery. He felt young by comparison, though he would have preferred to feel less young in a private ward, which is what they'd led him to believe his coverage entitled him to. He'd been had by the fine print. Nothing new.

As the spool of memory jerkily turned, so did a churning impression that he had, in fact, been had all along the line.

It started, as things do, at the start. Even before, in a way. His folks had fed him on the myth that the embryo due to be dubbed Arnold was the first fruit of an ideal love. Only much later, understanding more about life, love and his parents, did he realize that his advent stemmed rather from their belief that having offspring was the proper, unavoidable thing for a married couple to do. And somebody had to come first.

And that subsequently, in the name of that ideal love, he had been swindled and blackmailed into becoming "a good boy".

(A propos of myths, Santa Claus was a kind of deception in reverse: he'd been assured there wasn't one before being told – from less credible sources – that there was. So in a way he'd been diddled out of the magic of Father Christmas.)

How Santa's reindeers led him to sex wasn't clear. But they did. Ah, sex! Were some fast ones pulled on him in that slippery area! The fastest was no doubt the first: on holiday with cousin Ron, also thirteen. They chanced on a book in a remote corner of the boarding-house purporting to explain the Facts of Life. Little did they suspect that the guilty thrills it elicited came not from the text or the anything-but-thrilling pictures, nor from reading something they weren't supposed to be reading, but from a sudden onrush of their burgeoning hormones. It took years to cotton on that the wretched volume had been secreted there by the grown-ups. Too inhibited to talk to the boys face-to-face, they had planted this Book of Revelations, engineered to give young lads, at the dawn of their entanglements with Eros, a joyless, screwed-up headstart.

As lance-corporal Black, in the Cadet Corps, he turned out – to his own surprise – to be a crack shot, proving he was divinely appointed to defend his motherland, to honour Big Ben, the playing-fields of Rugby, the Sussex Downs, Cornish clotted cream and all that, by training to aim bullets at the ugly heads of England's foes. Good boy ripening into patriotic man.

Then whoops, back to sex again. Always back to sex, even at his age! A march-past of the women he had had – at least those still tucked away in the alcoves of his mind. Why always put it that way? Why not the women who'd had *him*? Machismo? Some had indeed had him in both senses, without his always having managed to have them. Complicated, language, especially when you're nearing the end of the spool. And who would have thought Renée capable of such meanness over the divorce settlement!

Feminine faces sidled by – from juicy Jennifer, his first lay (if you could call it that!), who had ditched him, at sixteen, for Terry, his best friend, all the way to Paula, who had taken him in (again in both senses) not all that long ago. Not that he could altogether blame her (or some of the others). Good boys don't always make good lovers.

Good consumers, yes. All those gadgets and contraptions he'd been goaded into purchasing! Useless, costly encumbrances for the most part. That parquet-polishing monster was a shining example. To think some of that junk was still in his possession! Possession... No longer his problem. Disencumbrance. Long live dying!

(A pungent smell suddenly intruded. Mr. Jenkins in the next bed had vomited again.) By rights Patient Black should have been able to afford not only private quarters but even a transfer to a smarter clinic. That he couldn't was the work of those sharks in the garb of financial advisers. Their faces had faded, but not that same persuasive voice. His bank manager to begin with. Plus the insurance brokers, the purveyors of savings schemes, Mutual Funds, Trust Funds. What difference? All he knew was that his own fund of trust had plummeted with his money. The nest egg scrambled.

To the point where he was forced to sell off a lot of his belongings – well below their worth. (Paintings and semi-antique furniture proved easier to dispose of than parquet-polishing machines – even only-used-once ones.)

Getting rid of books was not the wrench he had anticipated. Those stacks of fiction – safer of course than living life for real! Yes, literature had also led him astray, instilling fancy ideas about women and a belief that life was like a novel, with a coherent plot and a plausible – if not necessarily happy – ending. And preferably, in some manner, uplifting.

(Mr. Henderson groaned in his sleep. So much for uplift! No more lift-ups for him. Just a trolley-out. But that was everyone's lot; no need to take it *too* personally. Universal and no escape, like getting had by politicians.)

Nor could he see his itinerary in terms of autobiography. The story-line was wobbly and he couldn't get a handle on the character of the main character. Who was he now? Arnold Black – the has-been who'd been had. With nothing left but language to play with. And playing alone, as so often in his childhood. If life had to be given a literary genre, Shakespeare came closest with his "tale told by..." no, not an idiot. Rather a con-man.

Poetry, maybe? Yes, there had been moments, after all, that could only be

described as... well, yes, poetic. That night on the Lago di Nemi, or waking up in the night-train to his first glimpse of the Alps...

At least he had held his own against all those religion freaks – the worst conpersons of the lot. (Even though he still felt a twinge at the way he'd let down Mum and Dad by shedding the persuasion they'd brought him up in. That was really naughty! And they never forgave him for saying what he honestly thought of the Bible.) An afterlife, as they wanted him to believe? They'd know by now. And if there was none – as he strongly suspected – it was pretty maddening to think he would never have the satisfaction of yelling at all those pious faces of his past, "You see!"

This body of his had also turned against him. After all he'd done – or heroically abstained from doing – to keep it ship-shape! And now about to scupper him altogether, ditch him just as juicy Jennifer had done six-and-a-half decades back.

He was growing drowsy. Ah well, you live and learn! Or do you? They also say "once bitten, twice shy". But the shyer he became, it seemed, the twicer he got bitten. Other voices and images dribbled back: promises unkept, loans and objects never returned ...

Yet on balance he wasn't really taking all those grudges with him. For one thing there were the counter-examples: the French truck-driver who had towed him to safety, or that manageress who had risked her job by taking his side... And how often had *he* been remiss? (Why hadn't he reacted by ringing his own bell this morning, when he saw Mr. Jenkins groping in vain?) Who (he knew it should be whom) had *he* had in his time? No doubt, most pointedly, himself. But from the summits of this public ward, those affronts to his person in the valleys of memory were losing their importance. And it's easier to forgive what's not important. Even himself for being such an inveterate mug!

And now this insight: that if he hadn't made his dreams come true, maybe it was because he never got round to waking up. Wide-awake persons don't get had, do they? (Not an insight that would stand him in good stead much longer, but still, you never know...)

When all was said and done (as it practically was), he guessed he felt readier to go than those three goners. 'To go' meaning 'to die'. 'To leave' would be a more fitting euphemism. Going means going somewhere, and he wasn't at all sure he was going anywhere. But can you leave anywhere without going somewhere?

His thoughts slithered back again to birth. We say a woman *had* a baby. That doesn't mean she doesn't have it any more. 'Had' here is not simply the simple past of 'have'. It stands for 'borne'. So by being borne the child is being had. Precisely! So by dying we get ourselves un-had, so to speak. Beyond double-dealing. Shakespeare again with his 'consummation devoutly to be wished'. Wonderful, no, no longer to need *anyone's* approval? Not even one's own?

No, not yet awhile, the final flashbacks. Otherwise would he still be playing with language? Language... A pity to let *that* go! But it's rather language that lets us go, once we're quietened for good. (Good?) The living will always be there to keep it

alive, using it, misusing it...

Drowsier now. But okay. Even strangely elated, one might say. Comfier. The breathing was coming easy, bringing deep gratitude for the breathing coming easy. 'No future' had its beautiful side too: no need to worry whether good things would last.

And the pain in his neck had subsided. He gazed at his three companions, Mr. Jenkins, Mr. Holmes and Mr. Henderson, curious now to know their first names. He mused a moment from lower down, beneath the zone where letters coalesce into words. Yes, to be sure, there *was* a place forever immune from the universal pain in the neck! Elated, down here on the ground floor of St. Bride's Hospital! (Terminal cases – ground floor. Less trolleying, and anyway they didn't need the view.)

The nightnurse trundled in without knocking. "Time for your tablet, Mr. Black."

She never knocked. Nor would she ever say what the pill was supposed to do for him. Testing something out for a pharmaceutical firm? A placebo? A drug to shut him up for the night?

He gulped it down like a good boy.

"You know best, nurse!" said Arnold, with a wink from the distant past.

David Walters, UNOG (retired)

OFF THE BRIDGE

Silent, she stood gazing down into the dark water. Ruminating perhaps on the cold seductiveness beckoning below? My step, though soft, betrayed my presence as the hoary head swiveled, and our eyes locked with an almost audible click. Her attempt at a smile was more like the sad remnants belonging to a museum display of ancient teeth.

“Spare a quarter, mister,” She implored. “...Or maybe fifty cents?” I noted her quick, surreptitious appraisal of my overcoat and calculated how long it would take her to adjust her original quote. About two seconds.

“I only need another dollar...” she says, appreciatively eyeing my shoes. “...Then I can get myself a meal and a cot down at the shelter, ya know, ‘cause it’s too cold to sleep out tonight.”

Inwardly, I thought of you and how we met on this same bridge on a similarly cold October afternoon. I recalled how unromantic I found your discourse on the disappointments endured by the many lovers drawn to this bridge; how you viewed them as pathetic in the face of their basic human inability to hold loneliness at arms' length; and to the extent their failed affections remained only so much testimonial graffiti on the bridge. Emotions. They bind us, and then wound us.

“Maybe just a dime mister. Ya see, I just needs a little more for the shelter...I tries to help myself iff’n I can.” As she spoke, her eyes drifted to the far shore and fixed on another era. Her arms, layered in the sleeves of at least two coats and a cardigan, hung thickly at her sides. Her hands, I noticed, though dirty and with gnarled fingers, never stopped moving.

“We tried to rent a house once, over there between them two little hills, Wilbur and me.” She said. “Of course, that was a ways back, just after the war. I used to work behind the ice-cream counter at Finch’s Drugstore in them days an’ Wilbur worked over at the brickyard. We had a little money saved too, ya know, until Wilbur’s accident...” While her attention stalled at the rush of bygone memories, I recalled those warm, August days spent at the shore; when I first waded into the uncertain, blue-green depths of your eyes and envied the Pacific’s salty tongue licking your strong, tanned legs as you strode back through the surf to the most blessed blanket on the beach.

“What with losin’ his eye an’ all, and the damn insurance people refusin’ to pay on account of a ‘technality’ in his policy, shoot, we lost everything.” She paused, shifted her weight, and stared down into the chilled, muddy soup below. “But I’ll tell you what, mister...” She turned her head and spat cleanly through the suicide rails. “Wasn’t

no ‘technality’ in his policy or nuthin’. Shoot. I knowed that even back then. It was cause Wilbur was black...same as you.” I vaguely began to wonder how much loose change I had.

“See, back then...wasn’t like these days,” she nostalgically explained. “I mean, black an’ white could work together an’ all, but a black boy an’ a white girl livin’ together? Shoot. Not in them days, sugar, no sir!”

As she warmed to her recollection, the old woman offered again the devastation that was her smile. “Ya know, last summer I lived in a little tent, down by the duck pond, at the park an’ one day, I saw a black boy and a white girl on a blanket between the wishin’ well and the footpath. She was layin’ on top of him, kissing him and grindin’ her hips real slow like. Now, he seemed kinda nervous, ya know, kept on rollin’ her offa him every time somebody’d come up the path.”

“But she didn’t pay it no nevermind, no sir, she just laugh and carry on an’ soon they starts to kissin’ again an’ she climb right back on top of him.” She chuckled wistfully at the recollection but seemed to slump as if overcome by the memories of great sadness and disappointment.

I recalled the trip we took to San Francisco, and how you found the Golden Gate bridge to be unaffectionate, unromantic; I remembered your refusal to speak to me after I suggested that your appreciation for bridges lies only in their ‘flight potential’; I thought about our walk along Fisherman’s Wharf, on a bright, windy morning arguing the validity (necessity?) of the “K” artists. You chose Klimt, I preferred Klee.

Sighing deeply, the old woman leaned against the suicide rail, and for a second I thought she might keel over, but instead she stood up straight and shot a malevolent stare at the far shore “Shoot, Wilbur an’ me couldn’t even hold hands when we was yonder side this here bridge.”

My mind drifted back to how you laughed as we lay in our cheap Northbeach hotel bed, attempting to match different styles of music to the various pitches and rhythms of the passion penetrating those wafer thin walls. I remember asking if you thought love was a metaphysical mystery and how you softly kissed me and looked amusedly, but matter-of-factly into my eyes and explained that the ‘whole, carbon based, life on earth as we know it, thing’ was the mystery, and that what we were up to was one hell of a lot less transcendental. And later, when we made love, our symphonic virtuosity cancelled all other carnal concerts for the evening.

The bray of the ferry passing below abruptly returned me to the moment. I studied the beaten down figure before me; the tanned and weathered face with deeply etched lines

at the corners of her thin mouth and deep-set, rheumy eyes; wisps of greasy hair, streaked white with age, drooped from beneath the insanely green colored “kiss me, I’m Irish” beanie on her head. An alarmingly violent series of coughs gripped her slight frame but she seemed not to notice and again spat with the precision of von Richtofen through the rails.

“We used to go over there,…” she was saying. “...ya know, separate like we didn’t even know each other, then we’d meet up at Fisher’s Point, only in them days we called it Look Out Point....” I wondered how long I’d been captivated by this history lesson.

“Anyways, we used to sit on that little ledge there just below the lip of the cliff and eat pistachios and watch the sunset.” She paused, and wiped her nose on her thick sleeve. “I used to think Wilbur was a little crazy on account of his always wantin’ to go over there to watch sunsets and eat pistachios.” Her voice ebbed with the act of evoking too many memories of long ago disappointments. Suddenly, she started to laugh causing her coat-thickened shoulders to jiggle. “But then, Wilbur did love his pistachios,” she said, exhibiting the ghastly grin.

“We used to stay till the last rays of the sun were just below the horizon, then we’d dash back across this here bridge like a couple of ferrets, ya know, on account of Wilbur’s not bein’ allowed on yonder side after the sun went down.”

She sighed heavily, I supposed from so many layers of coats or perhaps from the weight of compiling so many memories. “The police never recovered the body,” she mumbled “and they didn’t even try to collect suspects. All they ever found here on this bridge was one of his shoes, and a bunch of pistachio shells!” Her voice, husky with age and bitterness sank to a muttered whisper. “Damn fool went and got hisself kilt over a sunset.”

Absently, I fumbled through my coat pockets for coins, before suddenly changing my mind, and went to my breast pocket for my wallet. Her old eyes grew wide as I extracted a ten-dollar bill. “Gee, mister, are... are you, I mean, uh, that’s a tenner! Are you sure?”

The bug-eyed stare and the outstretched, dirty fingers are telling me they are eager to claim the prize whether I’m certain or not. “Gee, thank you mister. Thank you so much, I, uh... God bless you...” she pivoted and began to walk, surprisingly quickly, towards the far end of the bridge; looking back once over her shoulder, I guess checking to see whether or not I had come to my senses. Finding me standing in the same spot, she presented again the dental nightmare that is her smile, turned and hurried off.

Ten bucks. I thought the price inexpensive to assuage a bit of guilt; for being uncommonly successful in a land where Wilbur's fate was still a sickening reality. Paying my dues, maybe? For living on the once, even unthinkable side of this bridge; for openly loving the pride of centuries of European breeding? Ten bucks can go a long way... in the mind.

As I watched the old woman scurry off the bridge, she passed a tall, strikingly good-looking, well-dressed woman. They spared not a glance for each other. Even at this distance, your alluring smile cast its seductive warmth upon my wintry overcoatedness. As you came closer, I was drawn, as ever, into the pools of undiluted beryl that are your eyes. The subtle scent of Chanel enfolded me microseconds before your arms. Your kiss, still ripe with the memory of summer and wild strawberries, ended too soon.

You inquired about my day and asked if I'd noticed the old woman on the bridge. You wondered if I remembered the 'good ole days' before there were junkies and street people everywhere. With a sly grin, you asked how much I gave her. We turned and began to walk towards the nearer end of the bridge. As you hooked your arm through mine, something crunched underfoot. I looked down and froze. "What's wrong, darling?" you asked, hesitating, then looking down questioningly onto the steel path. "It looks like someone stood here and ate pistachios, that's all." Then, pulling your body tightly against mine and letting a slow, lascivious smile guarantee your future intentions, you whispered in my ear "Come on baby, let's go home."

Bob Echols, UNSW/SENU

THE LOUD READER

A thin rain fell and the low-hanging cloud cover almost touched the top of the massive chestnut tree in the middle of the *Parc des Bastions* when I arrived that second Monday of October at the Reading Room of the *Bibliothèque Publique et Universitaire* (known as the BPU). I went there once every two or three weeks to check on the latest issues of the *Paris Review* and the *New York Review of Books*. The place has not changed much in the more than four decades since my student days. It is a small room with three tables in it, on the first floor of the right side of the U-shaped old university building facing the park. Big, wooden, old-fashioned reading stands sit on the tops of the tables and, in the hundreds of pigeonholes on the walls, academic journals gather dust, being very rarely, if at all, consulted by the students. A microfilm machine has been squeezed into the corner behind a book case at the back. In an office space separated by a glass partition two librarians work, mostly on their computers. One is a white-haired and slightly hunch-backed elderly man; the other, new and young, has recently replaced the other old librarian who reached the compulsory retirement age of sixty-five. He was a very tall and skinny man with very thick and curly grey hair who walked as if he had springs under his soles. Strangely, I sometimes miss him when I am in the library.

As usual, I glanced at the round clock on the back wall as I entered the room and saw that it was five to four. That gives me two full hours before the closing time of six, I thought feeling pleased. I also noted, with satisfaction that the place was empty, except for a man sitting at the back table, next to the window. I decided to sit at the middle table, facing the clock; I like to be able to check the time once in a while, to see how much time I have left, and accordingly, organise my reading. I went, after putting my briefcase on the table, to the relevant pigeonholes to pick up the latest *Paris Review* and a couple of *NYRBs*. Back at the table, I had barely sat down and started to read -- a long article on the Iraq war in the *NYRB* very critical of the neo-con gang of Bush & Co. -- when I became aware of a droning noise. It did not take me long to locate it as coming from the man at the back table. Amazingly, he was reading loudly from a bound volume of old newspapers which he had placed on the wooden stand. From where I sat, I could see only his head, which had thinning brownish hair; his cheeks were reddish and a little swollen; he seemed to be middle-aged and wore no glasses.

I was annoyed -- a bit like when a big fly has entered the room and keeps flying around, buzzing and hitting the windowpanes. As far as I could recall, it was the first time that such a thing had happened to me in the old Reading Room. I asked myself what could possibly explain that unseemly and odd behaviour. Was the man a refugee from Bosnia who had just learned French? Or was he committing the text to memory, preparing for a presentation? Whatever it was, I thought that it was not acceptable to disturb other

readers in a public library this way. Clearly, I would have to take some action to put an end to it. But what? I mentally reviewed my options. The simplest, and least confrontational was, evidently, to change places, to put the largest possible distance between us; thus the noise would be sufficiently reduced and the problem solved. I stood up and went to the seat that was farthest from him, the one closest to the door, but, alas, it did not make a noticeable difference. My second option was clearing my throat loudly while simultaneously throwing angry glances at the man. I did that a few times, but that too failed miserably: not only did the man not take notice of my initiative, he never even looked in my direction! Third option: walk over and ask him, politely of course, to read silently. I felt it would be the right thing to do, but something, I did not know what, held me back. That left me with a final option: complaining to one of the librarians and let *him* 'deal' with it. But, again, I hesitated, because it seemed a contemptible and cowardly thing to do. So, in the end I did nothing. Unexpectedly, I got used to the noise and was able to read without too much of a problem.

*

Suddenly, I heard the inevitable and familiar '*Nous fermons, Messieurs Dames.*' The old librarian had come out of his lair and was announcing, as he did every day, with a heavy Genevois accent, softly but also with undeniable authority, that it was five fifty-five, time to close the Reading Room. I looked at the clock for confirmation. Then I looked out the window and saw that the rain had stopped, and that the cloud cover had opened near the top of the old chestnut tree just enough to let a swath of blue sky pierce through. I prepared to leave, feeling good because I had been able to read a couple of longish pieces in the *NYRB*, and an interview of Orhan Pamuk in the *Paris Review* (that was before he won the 2006 Nobel Prize for Literature), and even to take extensive notes. Also, silently, I congratulated myself on my civilised restraint, even though I also felt vaguely upset, and a little hurt, that the man had completely ignored me.

I was folding the *NYRBs*, when I heard much louder, grinding and clattering noises coming from the place where the man was sitting. He had stopped reading and was scrambling to get up. He stood up eventually and started to walk, dragging and shuffling his feet, throwing, one after the other, his legs and the crutches that were under his elbows. I sat frozen, as if bolted to my seat, trying not to stare. It took him what *seemed* a long time – in reality, not more than a couple of minutes -- to cover the seven or eight meters that separated us. As he was about to pass me, I looked up, our gazes met and he gave me a beautiful, luminous smile, which I returned as well as I could, feeling, all at once, ashamed, relieved and grateful.

I remained seated for a while after he left, not wanting to overtake him – as a perhaps misguided form of respect or consideration, or sympathy. At first my mind was blank, but then, a memory deeply buried in the depths of my brain surfaced: I could see with

my mind's eye, with amazing clarity, a man that I had met some thirty years ago, at a centre for the handicapped, at Berkeley, in California. I even remembered the name of the street on which the centre was located: Telegraph Street, which was in those days (still is, I suppose) a famous street in Berkeley, full of hippies who sold their wares in open stalls. That man was on a wheelchair and had Multiple Sclerosis, or Multiple Dystrophy, and I had interviewed him at some length. At the time I was doing a research project on spinal cord injury for the American Paralysis Association. I have always been awed by the incredible power of the human brain. The incredible things that it can do, even though brain scientists say that an averagely intelligent person does not even use 15 per cent of its potential power – Einstein is supposed to have used 25 per cent ... -- and the terrible consequences when something goes wrong with it – a tumour, Alzheimer's, Parkinson's Disease.

Someone touched my shoulder. I smiled and squinted at the same time. I knew who it was. I stood up and apologised. He shrugged his shoulders with a quizzical look on his face, as if it to tell me that it was hard for him to understand *my* behaviour. Of course, it was not the first time that I had lingered too long in the Reading Room, forcing the old librarian to come out of his office for a second time to remind me that the library *was* closed.

Zeki Ergas, UNSW/SENU

MA LISTE DE PRIORITÉ

Un conte (allegro, vivace, ad alta voce)

Il était une fois, aujourd'hui, demain ou après demain, cette bâtisse, que dis-je, cette place forte de 30 étages sous terre, cette forteresse que je construis derrière des palissades, des barrières bardées de vidéos, surveillées par GPS et autres équipements mégalo. Des blocs de béton en bouchent toutes les entrées, toutes les sorties, des moellons énormes sans failles ni fissures. Tout n'y est que fermeture: ni porte ni fenêtre, c'est sans aucune ouverture. Ni chemin y conduisant - seul un puits-labyrinthe - ni cheminée exhalant soupir, vapeur ou fumée. Une suite de caissons l'un dans l'autre encastré, que ni foudre, ni bombe ne saurait endommager, solides, épais, plus qu'abris antiatomiques; murs que rien ne saurait briser ni bombes sismiques, ni bombes intelligentes de nos tout meilleurs et talentueux scientifiques. Désormais, en forteresse enfermé, me voilà inaccessible, aux gens, aux éléments, je suis tout ce qu'il y a de plus libéré, détendu, hors cible.

Hé, Hé, Hé plus aucun son intelligible n'a à sortir de ma bouche; je n'ai plus à parler. D'ailleurs je me comprends à mi-mots, à mots couverts, à mots muets: parler a quelque chose de désuet. Je tourne et tourne dans la forteresse, je marche sur mes pas, et ne me retourne que sur moi. A suivre, je ne trouve que moi: ce ne peut-être que moi - ces bruits de pas – qui marchaient en avant de moi - me précédaient, je reconnais le pas: le pas de mon pas, ferme et fragile à la fois. Si je monte tous ces étages j'entends mes pas qui de palier en palier me précèdent, me sonnent si familiers, et me rappellent à moi. Oui, c'est encore moi qui devant moi trace la voie. Si je descends, déjà, à certains bruits de pas je m'entends plus bas. Toujours je m'entends plus bas que ne me porteraient mes pas. Cela me rassure. Il n'y a vraiment plus que moi ici bas, si bas. Je m'étonne moi-même: avant d'arriver je me vois qui m'attends; ça a quelque chose de rassurant et d'excitant, à la fois. J'occupe le tout, je suis: le tout-à moi. Le temps n'existe plus puisque ma seule occupation c'est moi; ou si vous voulez je n'ai le temps à rien puisque tout mon emploi c'est moi; je suis pris du matin au soir, je n'ai pas assez de 24h. ... pour ne m'occuper que de moi.

II. D'ailleurs j'ai listé mes priorités pour m'occuper de mieux en mieux de moi, et de moi. Sur ma liste des priorités... qu'est-ce que je vois ? Il y a, eh bien, moi, puis moi encore moi et toujours moi. Ça vous occupe son homme; ça peut prendre des semaines, même des années, en somme. Dans les siècles autrefois on faisait des examens de conscience, on prenait des résolutions pour des B.A. Aujourd'hui on fait des listes de priorités: je barre ceci je barre cela, je biffe celui-ci, je biffe celle-là. De toute personne libérée aujourd'hui: c'est le BàBA. De vous à moi - le ratio investissement/rentabilité en matière d'indépendance et de liberté constitue l'abscisse et la coordonnée de toute liste

de priorité. Excusez-moi, pour vous je n'ai pas un instant; vraiment regardez vous-même mon emploi du temps; je suis à la course, toujours, et tous les jours. De quelques côtés que je regarde mes priorités, c'est encore moi: ça m'étonne toujours, parfois je m'en ris, c'est bien moi ça. JE suis comme ça. Il faut m'accepter comme je suis: je m'accepte bien MOI comme je suis. Après-demain, demain c'est tout pour moi. Alors sur ma liste des priorités, excusez-moi, vous êtes, tout, tout, tout en bas. Alors forcément quand vous m'appellez, sincèrement je n'ai pas le temps, rapport à tout ce qui a rapport à moi. Excusez-moi je suis débordé, je me fais même des heures supplémentaires à ne m'occuper que de moi, rien que de moi. Si j'ai pas le temps pour vous, c'est tout simplement que je vous ai bouté hors ma liste de priorités, hors de mon emploi, de mon temps. Ma liberté, ma vision du monde sont mes murs en béton, friables mais infranchissables! Je me sens si bien, si bien cette peau en béton, si bien cette poitrine sans cœur sans souffle ni poumon. Je n'ai plus de mots pour dire l'instant, la durée, le mouvement, pour dire mon solennel engagement. Je n'ai plus à parler je me suis enfermé dans mon enfermement. Peut-être me trouvera-t-on ici dans 500 ans à la fin de l'ère du dragon !

III. ALLO, OUI. VOUS EXIGEZ QUE L'ON ARRÊTE L'ÉMISSION ? BIEN, BIEN ! MESDAMES MESSIEURS NOUS SOMMES OBLIGÉS D'INTERROMPRE L'ÉMISSION. BEAUCOUP DE TÉLÉSPECTATEURS PANIQUENT, ANGOISSENT, SE SENTENT MAL. LE DIRECTEUR DE LA CHAÎNE EXIGE MA SORTIE DE LA FORTERESSE POUR PERMETTRE À TOUS DE RESPIRER. JE VAIS REMONTER JUSQU'À LA CHAUSSÉE, DONNER À CHACUN DE L'AIR À GRANDE BOLLÉE.

Dans le mur je pratique une étroite échancrure, je me faufile comme un éclair hors fermeture. Et me voici, moi, tout embarrassé de moi, devant vous pour continuer en direct la conversation. Mais même à sortir de ma forteresse direz-vous je ne m'occuperai encore que de moi.... Il n'y a pas de honte à ça; suffit de le dire, de se le dire, de le savoir et de le reconnaître. $1+1 = \text{moi}$; $2+2 = \text{moi au carré}$, d'accord c'est vrai. PUIS-JE SORTIR DE MOI ? SI OUI, COMMENT ? On sait où on met le pied: c'est vrai, toujours dans son soulier mais une fois qu'on le sait, ça soulage et on n'en fait pas un drame. Une fois qu'on le sait il y a moins de place déjà pour les petits calculs du moi, l'agitation du moi à s'imposer aux autres. Sur la liste des priorités inscrire: explorer toutes les finasseries du moi; exploser le moi en ses arides retranchements, dynamiter ses blindages de béton. Alors ouvrir toute sa Ré-cep-ti-vi-té, tout son Ac-cueil, toute écoute, toute voyance sans bruit ni éclat; réduire le moi à l'écorce du bouleau si fine, à l'écorce de platane qui continûment tombe en morceau. Réceptivité qui est total déroulement, dépliement, déploiement à l'échelle de l'univers: à en redécouvrir les gens et les éléments, à en repeupler l'horizon. Redécouvrir en modestie la vive nature, notre vive et profonde nature qui nous vient de si loin, d'avant les humains, avec toute la chaîne de nos lointains cousins et de bien plus obscurs soutiens; redécouvrir l'humain

bigarré qui a tracé et trace en chacun de nous de si multiples et variés chemins, en milliers de génération de hier et de demain, au quotidien. Par grand vent, regarder ces oiseaux qui jouent, se laissent aller aux courants montants et ascendants, à la brise, au **zéphir**. Se laisser aller à ces courants enveloppants de notre: naturelle générosité, hospitalité, ancrées en chacun et qui nous viennent de si loin, qui est notre destinée, notre nécessité, notre seul chemin, hors citadelle, hors forteresse, hors société corsetée, hors panique et terreur programmée.

En chacun s'il est une forteresse emprisonnante; il est SURTOUT un espace infini, multiples prés fleuris. Espaces pour simplicité, pour modestie qui attirent, si délicatement, tant d'amis et amies. Une fois qu'on le sait il n'y a plus place que pour ... il n'y a plus de place que pour ... moins de calcul, moins d'agitation à s'agiter, à s'imposer. Tout ça si simple et si facile à vivre, libre. Et reposant.

Il était une fois, dès aujourd'hui, sûrement demain, inévitablement après demain simplicité ... qui passe son chemin, simplicité qui n'entraîne personne et n'insiste en rien.

Affleu-re-ment, effleu-re-ment. Délicate présence; souffle et vie de tous les sens.

J. Alexis Koutchoumow, UNSW/SENU

Ancien Président du P.E.N. Suisse romande
Ancien Secrétaire-Général de l'Union Internationale des Editeurs

J'AI ENCORE REVE D'ELLE

Elle n'est que l'ombre d'elle-même. Son esthétisme et son allure irradiant le champ des possibles. Je me pose à ses côtés. Allongée sur sa natte, elle est absente. Les vagues calmes déjà m'appellent. Leurs lancinants va-et-vient sur les quelques pierres affleurantes suffisent à me convaincre. Elle est comme dans l'attente d'une venue. Elles épousent de leurs ondulations légères et vertigineuses le dessein de l'univers. Je ne peux lui donner un âge. Une peau légèrement halée, de belles mains, les ongles des pieds vernis et ceux des mains incolores. Je ne peux lui résister. Un corps harmonieux et ferme. Un visage délicat aux traits fins. J'extrait une plume de ses racines. Elle semble seule. Si seule que les mouvements de son corps sont ceux d'une petite fille aux prises avec ses songes diurnes.

Puis, je vais à sa rencontre pour savoir si aujourd'hui, elle veut encore de moi. Légèrement recroquevillée sur elle-même, la tristesse qui coule de sa peau me donne envie de me fondre en son sein. J'enlève ma carapace. Je divague et deviens le cœur de l'immensité. Plus rien n'a d'importance, vivre ou mourir, les battements de l'espace unissent leurs élans pour éclairer mon chemin. Lorsque j'immerge, je ne sais plus. L'eau ruisselle sur mon écorce. Je me noie dans le silence de sa chevelure solaire. D'ailleurs à quoi sert-il de savoir lorsqu'il s'agit de s'unir à travers le sillage du cygne ?

En m'éclipsant un « Vous pensez trop ! » échoue à même le sol. Assise sur des rives lointaines, « Vous pensez trop ! » résonne en elle illuminant son être intérieur. Sans me retourner, le chant du vent effleure les nervures des feuilles. Sa mélodie est souffle d'oxygène sur un piano infini. Elle hésite à fuir le monde qui l'entoure. Avancer, reculer, rester, partir, parler, se taire... J'aurais pu danser avec les mots déposés sur la dorure de ses lèvres. Tombés de ma bouche, il n'en a rien été, qui suis-je pour éclabousser de mon nectar les fleurs sauvages et jouer les savants docteurs avec les papillons ? Le geste déploie ses ailes dès lors qu'il sort du mutisme de son oraison funeste.

Elle ne pense pas trop, d'ailleurs personne ne pense jamais trop. Mais bien trop souvent en vain les idées accompagnent la raison. L'enfant se recroqueville sur lui-même cherchant la douceur et la tendresse de l'amour et de la vie en partance. Et rien ne sert jamais de creuser les souvenirs, car la matière est hermétique aux appels du cœur. Devant ses yeux, le ciel bleu, le calme, le mouvement et la magie du lac. Epilogue sur l'infini... Sa fragilité et sa douceur sont au bout de ses chevilles. Au-dessus d'elle, les branches fines de l'arbre jouent avec les filaments des nuages. Elle a remis la deuxième pièce de son maillot de bain marron. Son corps et ses variations corporelles ont révélé à l'inconnu tout ce qu'elle n'ose dire et s'avouer. Certainement, demain, elle enterrera en se levant quelque part cette partie d'elle-même qui l'attend déjà de l'autre côté du

miroir.

Je peux ouvrir les yeux maintenant. Où ai-je rangé mon cœur ? Il est l'heure de s'extraire de la Lumière. En proie à ses maux si doux, l'oiseau dort éveillé pour mieux approcher son expiration. Elle est déjà là. Toujours aussi calme en apparence, et aussi agitée au dehors. Un jour, quelques jours, qu'importe, les cumulus s'effacent en présence de l'obscurité. Je sors cette plume déposée sur le monde. Et avant de plonger pour toujours dans l'ignorance de ma connaissance, je l'embrasse. Etonnée, elle saisit l'espace qui l'entoure et lui dit : « Je vous la rends. Elle est à vous. »

Nicolas Emilien Rozeau, UNOG

ورود مهملة على رصيف الذاكرة {Neglected roses on the pavement of memory}

من خلال نظرة إلى عالم مليء بالغرائب من الأمور، الظاهرة منها والتي قد تبدو للرائي أنها سهلة التأويل والتحليل، مع أنها في حقيقة الأمر أبعد ما تكون عن ذلك، والباطنة منها والتي تتخذ حيزاً أوسع ومجالاً أرحب للتخيل والبحث والتمحيص...، نظرة يجدر من خلالها للمرء أن يقف مع نفسه تارة ومع محيطه تارة أخرى، ذلك المحيط الدائم التفاعل والمختلط بالأشياء والأشخاص، مع ما يترتب على ذلك الاختلاط والتفاعل من أحداث قد تكون بلا أثر في مسيرة المرء، ومنها ما قد يؤثر في مجرى الحياة لكل منا ولكن بالقدر المرسوم له وبالطريقة التي تساهم في المجرى الهائل للبشرية منذ بدء الخليقة وحتى قيام الساعة.

إن الوقفة التي ذكرت آنفاً ما هي إلا سبر في أغوار النفس البشرية، والتي هي بلا شك المرآة الشفافة للمخلوق الذي ميّزه الله عن كافة المخلوقات بأن حباه أرقى الصفات، وحباه مع ذلك نوازع الخير والشر في مكنون الذات البشرية. إن تلك النفس لا يرى منها أو من خلالها إلا النذر اليسر من التأثير والتأثير في المحيط المباشر أو غير المباشر من خلال المسيرة المحسوبة والمحطات المقدرّة لما يسمّى بالحياة. ومع ذلك فإن مثل هذه الوقفات قد تكون مدعاة للتأمل أو الاستمتاع أو الانبهار كما قد تكون مدعاة للندم. قد يطول الحديث عن الندم، وقد يجرنا هذا الحديث إلى استرجاع مواقف ما كان لها أن تحصل، ولو حلت هذه الحقيقة محل ما تم حدوثه بالفعل في حينه لتغيرت أشياء كثيرة، ولكن هي الأقدار التي تسوقنا إلى حيثيات حياتنا سواء أكنّا ندرى أو لا ندرى، ولكن في نهاية المطاف لن يحصل إلا ما كان مقدرًا له ذلك. فباختصار شديد لا يفيد ندم مهما كان عميقاً إلا إذا كان جزءاً من دروس مستنقاة من الماضي لمستقبل أحسن تخطيطاً وأنّ حسن التخطيط أو سوءه يقاس بالنتائج المترتبة عليه.

ليس المطروح فلسفة حياة بقدر ما هو نظرة فلسفية من منظار خاص لعالم رحيب لا يمكن لمنظار العقل المحدود أن يحيطه بأبعاده المنظورة والمحسوسة، النفسية منها والفكرية كما والجسدية في مراحل النمو. إن تلك النظرة الباحثة في أعماق الذات عن خبايا النفس المليئة بالمشاهد والوقائع والأفكار والأحداث والمتغيرات وكل هذه المترادفات تحمل في طياتها بذور سعادتها أو شقائها، فنرى من خلال السرد القصصي لوقائع الحياة ما يدعو للاستغراب الذي يصل بفكر قارئه للقول بأن ذلك غير معقول ولا وجود لبعض منه إلا في مخيلة كاتبه، ولم لا فالخيال هو صور مستنقاة لانعكاس وقائع على أرض الواقع وبساط الحياة، ويكون الخيال أصدق ما يكون عندما يلامس واقعاً معاشاً باللحظة والفكرة والحركة كما يستمد قوته بقدر ما يكون مؤثراً أو متأثراً بما حوله.

لن أطيل حتى لا اضطر لتكرار بعض الأفكار والتي هي في الواقع ليس تكراراً بقدر ما هي إضافات في محاولة جاهدة لفهم أسرار الحياة في إطار تعديّ حدود الآن والأنا، وكل ذلك مستحضر من غياهب الماضي المهمل على رصيف الذاكرة إلى ظلال الحاضر المتداخل في تركيبية شخصية كلّ منا إلى نظرة الغموض للمستقبل المليء بالمفاجآت والتي منها ما هو مفعم بالأمل ومنها ما هو شاحب بالتوجس.

Poèmes

Poems

Poemas

Когда б не слабость рук и не согбенность воли
 Я заказал бы кузнецу двуручный острый меч.
 И не остыв еще от нестерпимой боли,
 Я возжелал бы голову повинную отсечь.
 Главу мертвящую лихого василиска,
 Что в камень обращает души и сердца.
 К нему бы я, как тень, подкрался близко-близко,
 И рубанул чудовище от выи до крестца.

ВЕЧНА (Spring)

И только краем глаза примечая
 Трамвайчик на нейтральной полосе,
 Скольжу по восходящим струнам мая
 Навстречу сумасшедшей бирюзе.
 И отхлебнув парного кислорода
 Из золоченого ковша,
 Восславит летнюю погоду
 Моя нелетная душа.

СИЕСТА (Siesta)

К полудню время устает
 И застывает в сладкой дреме.
 Так муха, погружаясь в мед,
 Не знает выше счастья кроме
 Кристаллизации ее
 Ведомой высшей целью плоти.
 Звенит бессмертия копье,
 Тоскуя по последней ноте.

* * * *

Грусть-тоска мой дух тревожит.
 Вместо мыслей - дребедень.
 Ах, дружок ты мой пригожий!
 Мне б тебя всего пол-ложки,
 Мне б тебя всего полкрошки,
 Мне б тебя всего полкошки
 По три раза каждый день.

Александр Клоков (Alexander Klokov), UNOG

إلى الأخت الحبيبة الدكتورة نسيمه
بمناسبة حصولها على شهادة الدكتوراة
في موضوع "تمكين المرأة"

{ Congratulating my sister Nasseemah for her Ph.D on
"Empowerment of Woman" }

عندما يختال فكرٌ دون حق
عارضاً ما يدّعيه من احتواء
أو إذا النظرة ضاقت دون وعي
في اختلاف الرأي من غير
ارتقاء
تتبري الأبحاث من صمتٍ هزيلٍ
في دفاع ثابت لا بادعاء
لمساواة تصون الحقّ صدقاً
وطريق واضح دون التواء
من معين الجهد تعطينا "نسيمه"
نهجها والقصد "تمكين النساء"

Walid Al-Khalidi, UNOG

كيف أنساك!

{How could I forget you !!}

راغب في البعد لا في الإنتظار
عشتها يوماً وما منها فرار
قدمي فالمشي صعب في انكسار
واذكري لي الصبر رفضاً لانحدار
فأجب إنني مللت الإنبهار
مؤلم فيه اتخذ للقرار
كي أداوي الجرح بعد الاعتذار

علميني كيف أنساك فإني
علميني كيف أنسى ذكريات
انثري في دربي الشوك ليدي
لا تقولي ما دها شعرك هذا
لا تقولي عملي جهدٌ وتعبٌ
صدّقيني ما أعاني من شعور
واقبلي مني عزوفي بعد لأي

Walid Al-Khalidi, UNOG

خلجات شاحبة

{Pale emotions}

حيث الوصال محالٌ والنوى قدر
وهمت أبحث عن ليلٍ به قمر
فكانت الريح لا تبقي ولا تذر
من الجفاء وبعدٍ ملؤه الضجر
لم يبق منها سوى الذكرى أو الصور
فاليوم للأمس وعدٌ والمدى عبرٌ
يبقى وهل للقاء بعد يُنتظر؟

أضعت أمسي ويومي في هوى طللٍ
أقمت في الوهم بيتاً لا وجود له
بنيت في الرمل كوخاً لا أساس له
واسترسل البين يرسى ما يؤرقني
في البال كئيباً ولا زلنا بذاكرة
لم التأسّي على الماضي وقسوته
هي الحياة وهل في العمر من زمن

Walid Al-Khalidi, UNOG

بعد اللقاء

{After getting-together}

رغم أنني في لقاء الوصل حقاً قد سررت
 عندما زُفّت لي البشرى بأني سوف أحظى
 متعة اللقيا ولو للتو برهة... والتقينا...
 وأزيلت غيمة سوداء عن لحظات يأسى
 إنما الهاجس أن تبعد عني
 بقي حياً بين أنفاسي ووطنى
 إذ هي الأيام قد تغدق آمالاً
 ولا تعطي سوى النذر اليسير...

لا أرى لي متعة أحيا بها لحظات وصل في تقاؤل..
 حين لا أقوى على رفض التشاؤم من خيالي... ثم أمضي رغم عني لأقول...
 كم جميل أن نرى الفرحة تنطلق بلا وجل من الكلمات للأخرى تباعاً
 كم رقيق سحر تلك النظرات
 كم من المتعة أن ينتقل النغم رويداً.. بين تلك البسمات
 كم مثير عطر تلك النسومات
 كم بليغ حين ترقى روعة التعبير صمتاً.. أو بهمس الكلمات
 إنني أسكنني شعراً ونشراً حين أكتب عن أحاسيس الحياة

Walid Al-Khalidi, UNOG

ليتني ...
{If I could...!}

ليتني أمتلك الدنيا بيسراي بما فيها جميلا
 إذ سأصبح زاهداً فيها على التّو بلا ندم ولو كان قليلا
 مبقيا في يدي اليمنى .. "سراباً !" .. بعد أن عادت - إذا عادت -
 وقد غابت عن النظر طويلا
 ليتني إن بقي من العمر لحظات سعادة !
 أدخل البهجة في وجدان نفس غابت البهجة عنها
 باختفاء الزهرة الفاقدة الإحساس والضائعة في أرجاء كون
 لا يرى فيه سوى وهم سعادة!!
 ليتني أمتلك الشعر كما أبغي لكي أصف معاناتي المريرة
 في ابتعاد "الزهرة" الألم الحزين!!
 ليتني أمتلك الدمعة كي أسكبها حرّى على صورة من عاشت معي زمناً طويلاً
 ثم طارت مع طيور الهجرة الأبدية الراحلة في أفق عالمها الدفين
 بعد تلك الـ"ليّت" في زمن التمني ...
 لا أرى في آخر النفق بصيص النور ... بل قل شبه نور!!
 فأعد للحرف مشلولاً بلا روح ولا ينهض
 كي تلتئم الكلمات أبياتا من الشعر له معنى....
 فتننحر القصيدة

Walid Al-Khalidi, UNOG

المحاكاة

{The Imitation}

(الشعر المحاكى)

- (١) ألقناديل تلك في الضفة الأخرى تناديك، أم بريق العيون
- (٢) أيها المتعب الذي يسكن الريح إلام الرحيل دون سكون
- (٣) ما تناديك موجة البحر إلا وتلبي جنونها بجنون
- (٤) واصلاً لؤلؤ الليالي بخيط من حرير تشده للجفون
- (٥) أفتجري بك السنين وما تشعر أم أنت سائر بالسنين
- (٦) أفتبكي على الذي ضاع في هذا السرى من مرارة أم حنين
- (٧) لست تدري، فما يهّمك في اللوحة إلا بساطة التلوين

(الشاعر المحاكى – وليد الخالدي)

[بعد الاستئذان من
كاتب الأبيات السابقة]

- (١) أعيون الدجى تلك في هدأة الليل تناجيك أم بريق السراب
- (٢) أيها المثقل الذي يسكن الحزن دوماً غافلاً ما أصابه من عذاب
- (٣) ما تناغيك رقة السحر إلا وتلبي دلالتها بانسياب
- (٤) موصلاً ما مضى من الصب يوماً بالذي قد تراه قبل الإياب
- (٥) أقطار الأيام يجري سريعاً مخفياً بالدخان لون السحاب
- (٦) حيرة العيش كنهها في الليالي.. إذ بضوء النهار تصفو الروابي
- (٧) يا رفاقي هل منكم من عليم بدروب الحياة يخبر ما بي

Walid Al-Khalidi, UNOG

”...؟...“

انتهى عصر الفروسية وارتاح الحصان
يا زماناً كل ما فيه شديد البعد عن كل زمان
عصر ذل في ثياب العز صنو الهذيان
أين من أمس به الهامات ترفع في شموخ
والروابي شاهدات العز في كل مكان
والطمأنينة عنوان اللحيظات بعقب الأرجوان
ما الذي يمكن أن يعطى جواباً لسؤال
لو تساءلنا عن الأسباب هل ضرب جنان؟
هامة العربي في زمن التنازل قصرت
والدور قادم للبنان
كل ما يكتب أو يُقرأ لهوٌ عبثيٌّ
طالما لم ينتشي الحرف بزهو الأحقوان
[...للشعر بقية...]

Walid Al-Khalidi, UNOG

قدر

تختصر حبيبتي في رحليها مني والي فصول زمن صنعه الخالق خصيصاً من أجلها، تسافر لإراديا فيه
خاضعة لإرادتها الجامعة التي لا تعرف اللين أو الهدوء .

تقتحم حبيبتي زمن حياتي القصير معها، هوجاء كمطارق القدر، لا رادع منها إلا رحيل إليها أو نسيان
ضل طريقه يقودني أديا إليها.

Alex Caire , IPU

مقتطف من قصر العشق أحمد حموده

حورس ناشر – ٢٠٠٧

WENHUI

www.wenhui.ch

Wenhui (《文荟》) was first launched by a group of Chinese language staff at the Palais des Nations in December 1997. In the beginning, it was basically a 20-paged hand-typed and photocopied literary magazine published in stapled form approximately every three months. The idea for it came as some of the Chinese translators and interpreters at the Palais des Nations began to feel the gap between living in a cosmopolitan culture during the day and a Calvinist-French culture after five. Some of the literarily-inclined yearned for a piece of soil to continue or give life to their childhood interests in creative writing.

After several months of intensive preparation, in December 1997, the first issue of Wenhui finally came to light. The newborn was a sensation at the Palais and soon many Chinese employees of other UN duty stations joined in. The magazine took root and flourished. It mainly featured poetry, travelogues and fiction, mostly in prose style, but also some attempts in modern writing styles. In December 2000, Wenhui published its first and only special edition, professionally printed and bound, financed by voluntary donations, to commemorate its third anniversary and the advent of the new century.

In the meantime, at the request of both the readers and writers, a Web-edition of Wenhui was launched in April 1999. The printed edition coexisted with the Web-edition for 5 years, until November 2004. The main reasons for its discontinuation were both financial and, more importantly, time. Publishing a printed magazine by hand, however meager and thin, is surprisingly time-consuming and tiring. The workload was weighing down even the staunchest enthusiasts.

In November 2004, believing that it would be less burdensome for the editors and would bring more immediate pleasure for the writers to see their own contributions published, Wenhui decided to go all-web. In reality it transpired that maintaining a website is a “whole-new ballgame”. It literally takes hours and hours of work ... and every day. What’s more, some readers began to complain about not receiving printed copies. Although the financial costs of a website are minimal, for the voluntary editors, the time pressure and mental stress actually increased.

Notwithstanding, Wenhui, in its web-edition, has taken a foothold among the other Chinese language literary websites and is actually enjoying a small reputation for its seriousness, not only for its content but also for its clean presentation. To a large extent, Wenhui's survival owes much to the coming on board of its first lady and non-UN editor. Thanks to her experience and skill, but especially due to her enthusiasm, Wenhui's readership and contributors have gone beyond the confines of the United Nations and is scoring an average 2000 hits per day, including from many readers in the remote provinces of China.

Wenhui now boasts 3 forums and 13 author-columns hosted by various editors and writers. The latest feature has been the creation of the Poets' Forum. The new forum has the ambition to foster poetry appreciation among its readers and their skill at writing Chinese poetry as well.

Examples of Chinese poems published on Wenhui:

Congratulations on Inauguration of a Poets' forum on Wenhui website

近来《文荟》群贤毕至，诗绝词妙，令《文荟》面目一新，气象万千。吾斗胆拟五言一首，以贺《诗轩词苑》盛事。

茵茵文荟园，巍巍几山松。
 晓信原上吟，踏莎湖边行。
 君珂颂南国，李欣咏庐中。
 斑竹凝甘露，紫藤沐霞风。
 诗因高山起，兴是流水生。
 文绮意犹雅，韵美气更清。
 四座咸同志，举觞同相庆。
 犹戚马戈杳，何处觅仙踪。
 仰首观星宿，银河正澄明。

XIAO Zhou 萧舟

Sentiments on New Year's Eve

七律

除夕夜感怀 (外一首) 并序

域外操觚凡二十余载,于中得以在家侍奉双亲共度佳节者,寥寥可数。最后一次更远在八个寒暑之前!蓦然回首,愧不敢言。愧不敢言, 然又岂能不言? 秋歌当酒,其韵也楚。酒作秋歌,其味也殊。不敢邀明月,不忍呼友朋, 草庐一隅, 荆布一围, 且自与我身同醉我心同悴! 乡笛嘲嘶,心音一曲。村歌呕哑,心思一缕。声入大风, 抒我襟怀:我心匪石,亦可暖也,我心匪芩, 亦可缣也!

夕霞暗隐西风起,
漫漫云河鹊影驰。
爆竹花灯元日近,
华都月桂子夜时。
邻童笑靥殷言敏,
老父慈心欲语迟。
此身合留他乡老,
冰心片片化云霓。

HAN Xiaoxin 韩晓信

Casual thoughts on New Year's Eve

除夕夜即景

金銮宝殿玉皇宫,
醉眼仙神兴正浓。
不解凡间何事恼,
千烟万火汉宵冲。

农历 2005 年除夕夜, 肯尼亚, 内罗毕

HAN Xiaoxin 韩晓信

Kronberg of Denmark

临江仙 丹麦 Kronberg 古堡

细雨摇风侵海色，涛生古炮台前。蟠龙一角锁雄关。两三鸥鸟，浪里数沉帆。

欲访幽魂留迹处，塔楼影断云端。空庭犹说复仇篇。天涯回首，雨外乱烟寒。

（此地为哈姆雷特见父王魂现处）。

QIAO Zhicheng 乔治城

*Tranquilles tranchées***VU À LA TÉLÉ**

Lire les journaux,
Regarder les images,
Ecouter les propos
D'un théâtre dont on célèbre la 2000ème

Théâtre de rue
Rideau rouge levé sur des survivants
Enlèvements, amputations, monnaie d'échange
Des corps que l'on ne compte plus

Sous les obus et les bombes,
Drapeaux et vies calcinés,
Plus de signes de coeur, napalm plat constaté.

Théâtre de rue
Animé et vivant
Sous nos yeux
Apologie d'un monde agonisant
Pieds et poings serrés
Dans l'attente d'un dénouement
Inexorablement de feu et de sang

Cette fois encore leurs âcres relents
Ne font que nous effleurer.
Et spectateurs, nous revenons
A notre télé

Des figurants il y en a assez
Regardez autour de vous
Ne voyez-vous donc pas
Les coulisses sont pleines de bouchers.

Cécile Elshami, UNCTAD

Tranquilles tranchées

« R »

On leur a vendu des âmes (armes)
Ils s'en sont servis.

On leur a livré des canes (crânes)
Ils les ont multipliées.

On leur a pris leurs lames (larmes)
Ils ont étouffés leurs sanglots.

Reconstruction et démocratie
Sont bancales sans ère
Air pur à jamais pollué
Barbelés à perte de vue
Faute à ceux

Qui ont vendu des âmes.

Cécile Elshami, UNCTAD

FAVORITE

J'envie tes courbes quand tu tournoies
Tes rondeurs ponctuées d'ébène
Quand d'un coup léger tu prends ton envol
Pour virevolter dans mes rêves.
De rouge tu es vêtue.
De mouches tu es parée
Non pas une, pas la discrète,
Mais savamment déposées
Dessus ton dos bombé couleur bonbon

On te dit bête à bon Dieu
Je te dis belle à damner

Ma coccinelle.

Cécile Elshami, UNCTAD

PEUPLES

Peuples des vallées,
 Peuples des forêts,
 Peuples des déserts
 Peuples des grottes,
 Peuples des cavernes

Peuples des rivières et des fleuves
 Peuples des mers et des îles
 des plaines et des montagnes
 des banquises et des terres de feu
 Peuples des jours équinoxes
 Peuples des jours sans soleil
 Peuples des azimuths
 Peuples des antipodes
 Peuples nus, peuples enfourrés
 Peuples emplumés, peuples peinturlurés
 Peuples danseurs, peuples rêveurs
 Peuples songeurs, peuples chanteurs
 Peuples pêcheurs, peuples vendeurs
 Peuples planteurs, peuples cueilleurs
 Peuples charpardeurs, peuples fureteurs
 Peuples fumeurs, peuples enfumeurs
 Peuples guerriers, peuples prieurs
 Peuples chasseurs, peuples pasteurs
 Peuples lutteurs, peuples sauteurs
 Peuples chanteurs, peuples incantateurs
 Peuples tambourineurs, peuples siffleurs
 Peuples empoisonneurs, peuples féticheurs
 Peuples plongeurs, peuples orpailleurs

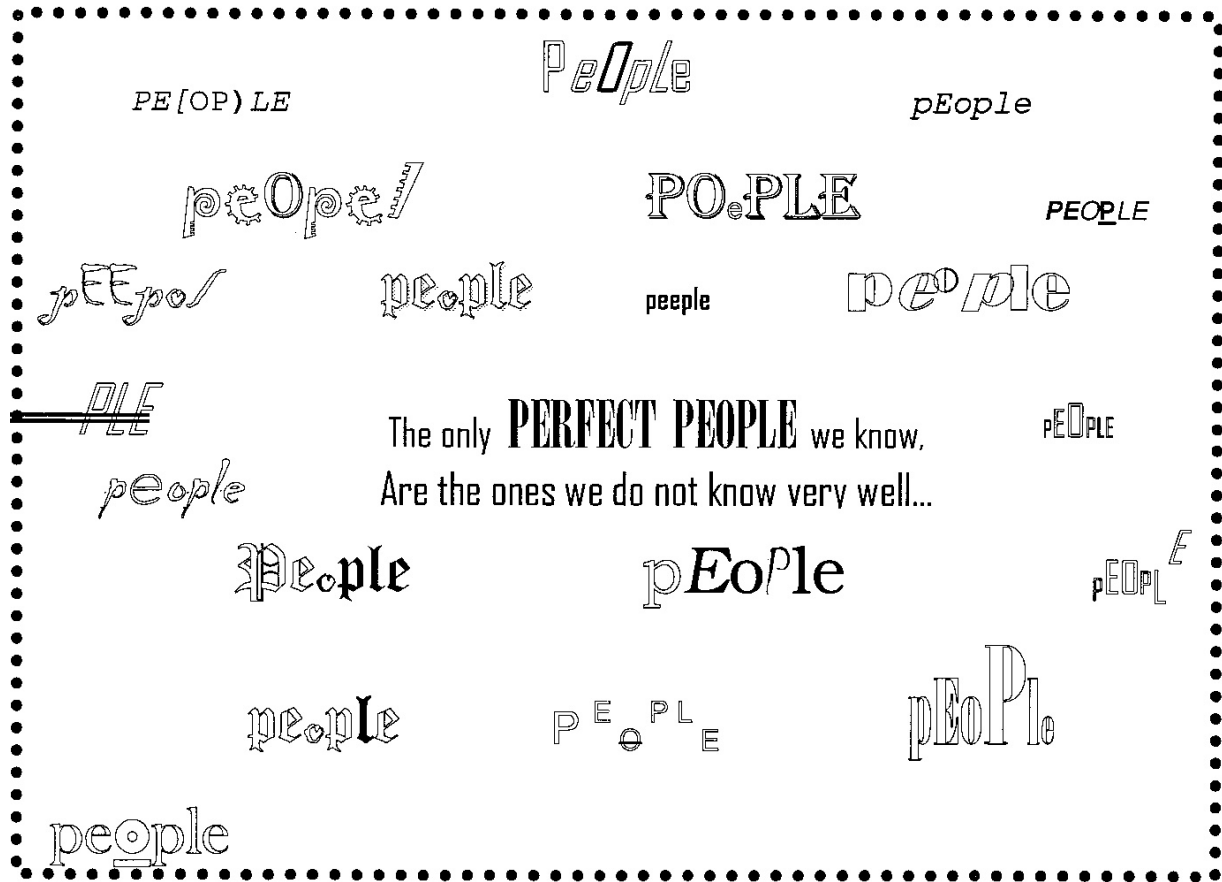
Vos chants habitent mes rêves
 Vos blessures peuplent mes cauchemars
 Vos danses vivent dans mon ventre
 Vos odeurs et vos couleurs
 Emplissent mon souffle

Peuples riziculteurs,
 Peuples sylviculteurs
 Peuples des rivières,
 Peuples des déserts

Peuples sourciers,
Peuples pisteurs
Peuples planteurs
Peuples...
Peuples
de

Nous-mêmes....

Alex Ezana, UNOG

People by VCS, UNCTAD

FEMME

Simplement un rictus,
 Il ne fallait pas plus
 Pour partager ton infinie richesse
 Et goûter à la fois l'amour et l'ivresse.
 Tu portes en ton corps
 Des rubis et des diamants pour éternels décors
 Toutes ces gemmes semblent nager dans la rivière d'or
 Qu'est ton corps.
 Quand tu es là, je ne sors point dehors.
 Une œillade, un sourire, un rictus, voire plus fort
 Un sanglot ou un éclat de rire
 Qui réveille l'envie de vivre
 Là encore, cela suffit pour ne plus sortir
 Mais rester prisonnier auprès de ton corps
 Et c'est vrai qu'on a la joie de vivre
 Car toujours on danse, toujours on chante
 Ô ! Regarde comme elle s'étale la divine amante !
 Ton corps, source de douceur
 Offre dans leur infini l'amour, la joie et le bonheur
 Mais ce corps qui est toute ta valeur
 Pour le vénérer et lui rendre hommage
 Je fais une libation d'eau pure et de vin
 Devant l'autel sacré qui soutient ton image
 Je reste à genoux avec mon esprit dans le mystérieux coin.
 Que faut-il que tu donnes de plus
 Au merveilleux amant ou bien à la vie
 Comme offrande pour mieux convaincre encore
 En partage de ce rare bonheur ?
 Cependant et malgré tout tu es une fleur
 Car fragile et belle et qu'il ne faut que tu l'oublies
 D'autant, tu es une femme !
 Ton moindre geste ou insigne de ton corps
 Enchanté, ensorcelle et enflamme
 Je dis devant l'autel de ton corps
 La plus sainte et la plus mystérieuse prière
 Pour encenser en toute dévotion ton corps
 Dont les charmes se dissipent vers le ciel comme dans l'univers.
 Là je me sens quitter la terre
 Et monter avec toi dans un souffle léger
 Dans la béatitude éternelle, Ô, toi que j'adore !
 Ô, toi, agréable femme !

Michaud Michel, UNOG

LES FILLES ET LES ROSES

Ce matin à l'arrivée des premiers rayons
J'entre dans un jardin garni de fleurs
Des fleurs d'enivrants parfums et de tous les tons
Là, il y avait plein de belles filles
Qui se confondent avec les fleurs
Ces filles sont rangées comme dans une quille
Et je profite pour cueillir une rose
Qu'avec un grand sourire je dépose
Sur le cœur de celle qui fera mon bonheur
Ô ! Qu'elles sont belles, ces roses
Qui apaisent ma douleur
Ah ! Comme elles sont belles ces filles
Qui fleurissent parmi les roses
Regarde, elles s'en vont à la ronde
Comme si elles dansaient tout au tour du monde
Elles fleurissent comme fleurissent les roses
Elles embellissent tout dans ce jardin
J'y cueille une fleur
Et c'est là, que je cueille mon bonheur !

Michaud Michel, UNOG

LA CONSTANCE DE L'ÂGE

J'ai ton âge
 Comme j'en ai celui du soleil.
 C'est dans l'analyse de mes cartilages
 Composés des atomes éternels
 Que j'ai compris les dimensions de cette merveille
 Qu'est mon corps à travers le temps.
 C'est la composition de ma carcasse et de mes os
 Qui me fait dire que comme mes ancestraux
 Je suis vieux et heureux,
 Et que comme toi, je suis jeune et heureux.
 Les accessoires de mon corps, mes viscères,
 Mes reins et mes artères en vertu de l'air
 Que je respire et les aliments qui me fortifient
 Déterminent la puissance de mes capacités
 C'est ainsi qu'aujourd'hui en toute humilité
 Je revendique d'avoir l'âge de l'humanité.
 A vingt ans jusqu'à quatre vint dix ans, oui,
 Messieurs, je ne revendique plus
 L'âge de mes papiers qui hier nous a plu
 Parce que j'avais un autre air
 Et qui aujourd'hui nous a déplu
 Toujours au nom des apparences. J'ai dit
 A toi, qui que tu sois, que j'ai toujours ton âge
 J'ai aussi l'âge de la terre
 Aussi bien celui de l'Univers
 Tout comme l'éternité
 C'est à croire que je suis heureux.
 A tous moments, aujourd'hui comme hier
 Je portais toujours bien mon âge
 J'exhibe devant la société
 Mes papiers d'identité
 Avec le sceau de l'éternité.
 Nous sommes l'espèce qui n'a jamais eu d'âge
 Nous n'avons eu que des saisons
 Nous ramenant toujours au nouvel âge
 Comme un refrain de notre chanson.
 Mon âge ressemble à un adage.

Michaud Michel, UNOG

LA PLUME DU PHÉNIX

C'est à l'heure du couchant
Que mes yeux spontanément
Par un œuf vermeil furent attirés,
Jetant des feux par milliers.
Une flamme germa
La perle dorée s'embrasa ;
Pour laisser au milieu des cendres
Un oiseau que la magie engendre,
Au fond de l'œil, le miroir du soleil,
A-t-on jamais rien vu de pareil !
Son bec d'ivoire s'approche de moi,
C'est un baiser d'ange qu'il m'envoie ?
Ses rémiges d'or me caressent la main
Avec une douceur intense,
Et là, en mon cœur de satin
S'éveille l'âme du silence.
Mais, vous le savez bien,
Les plus beaux contes ont une fin.
L'oiseau de feu soudain décolle,
Et mon inspiration avec lui s'envole.
Je ne sais si chez lui c'est une coutume,
Le phénix en partant me laissa une plume.

Thaïs Dobberstein, UNSW/SENU

SANS OISEAUX

I

Sur le miroir éteint de l'étang solitaire
où des rêves d'oiseaux ont hanté tant de soirs,
la neige maintenant, aux jours crépusculaires,
viendra en se mourant dissoudre tout espoir.
Les chants qui vous berçaient se sont tus à jamais
ô pauvres mots d'amour ! ... Votre ancienne magie
n'a plus cours à présent ; l'angoisse désormais
mesure nos regrets et notre nostalgie.

II

Bel arbre musicien, si droit dans le silence
où il n'est plus d'oiseaux,
je sais bien sûr que tu refuses leur absence :
la froide nuit, les eaux
et l'égarante matité de ce brouillard qui tisse
ses informes terreurs
les ont fait fuir, ô toit grand arbre qui te hisses
farouche en ta rigueur,
comme un vibrant témoin aux prises avec le sort,
au milieu des orages,
dressé contre le temps pour réfuter la mort,
et dominant les âges !

Roger Prevel, UNSW/SENU

MIROIR

Quelle sera la robe que je mettrai pour lui plaire
Remarquera-t-il ce parfum que j'ai élu pour lui
Et mon rouge à lèvres qui aime tant
Mes lèvres assoiffées pour son baiser
Mon émotion troublée par son regard perçant
Mon désir que je peine à contenir
Je laisserai mon corps flotter dans ses bras
Mes sens enivrés par son toucher,
Mon souffle atérir sur son thorax.
Il m'a dit qu'il aimait mes chevilles rebelles,
Les courbes de mes hanches,
La couleur de mon vernis,
Le crépuscule dans ma voix.
Quelle femme serai-je à sa rencontre ?

Alex Caire, IPU

Inédit, Extrait du *Temps perpétuel*, Horus Editeur, 2007

Đóa Hoa Ngọc Diệp

Một đóa hoa vừa nở
Ứng sắc màu cầu vồng
Trên nghĩa trang thành phố
Thoáng hiện giữa chiều đông

Một đóa hoa vừa nở
Vọng tiếng cười thân thương
Thoát nguồn thiên niên kỷ
Mặt rừng trầm ngát hương

Một đóa hoa vừa nở
Trong khoảnh khắc bình yên
Đáp vội con chim nhỏ
Hớp giọt sương bay lên

Một đóa hoa vừa nở
Thấp nển tâm nguyện cầu
Chấp tay hồn hé mở
Đón hạt bụi phấn sao

Một đóa hoa vừa nở
Mong manh như cuộc đời
Rung rung bông tuyết đỏ
Phím phong cầm nhẹ rơi.

Nguyễn Hoàng Bảo Việt, UNSW/SENU

PETITE FLEUR

Une petite fleur éclose
 Irisée de teintes de l'arc-en-ciel
 Apparu brièvement au coucher du soleil
 Un soir d'hiver
 Dans la voûte du cimetière de la ville.

Une petite fleur éclose
 Ravive l'écho cristallin des éclats de rire adorables
 De source immémoriale
 Aux confins des forêts vierges de cajeputiers
 Aux effluves parfumés des senteurs de nectar floral.

Une petite fleur éclose
 À l'instant, dans cet atmosphère de paix
 L'oiseau-mouche furtif se pose
 Happant une gouttelette de rosée
 Vite, s'envole.

Une petite fleur éclose
 Un cierge allumé, des prières du fond du cœur
 Les mains jointes, l'âme pieuse entrouverte
 Recueille le grain de pollen des étoiles, éparpillé.

Une petite fleur éclose
 Toute frêle, toute fragile, tel son passage à la vie
 Sous le ciel silencieux, s'effeuillent les pétales de neige
 Sur un air désolé
 Le clavier d'orgue épanche ses notes de regrets.

Đóa Hoa Ngọc Diệp by Nguyễn Hoàng Bảo Việt, UNSW/SENU
 Version française par Mme Hoàng Nguyễn

SUMMER WAS PASSING

Did you feel it passing,
The last ardent wind?
Hurried and uncertain
Though rustling leaves
And bending small trees
Yet not yet whipping our blood
To the hardest work
Or wild acts of freedom.

Rather its invisible caresses
With their sweet taste of apples
Now growing wine-cider under their
Green-red skins,
Make us drunk and our
Dreams real in daylight.

The last ardent wind of summer
It was, offering last kisses and embraces,
Before the long quiet death of winter
With its uncertain hope of a spring
And a sort of Resurrection.

Nedd Willard, WHO (retired)

DOWN A WELL

A well so deep
I could cover the sky with my hand,
A sky just big enough for a star
To float in.
Tired to death
But unable to sleep.
The morning is wet
With September's first rain.

All time can be lost
In the process of staying fed
And warm
Exchanging signs of civility
Or earning a living
Instead of a life.

It takes a huge effort to rise and meet
The challenge of every new day.

Time haemorrhages away,
In minutes, in seconds, in hours,
So many days without purpose
So let us save
This day.

Nedd Willard, WHO (retired)

JOB APPLICATION

I'm a tropical sunrise, I'm hues of yellow
I'm an island paradise, I'm a spice mango
A song of calypso, Mighty Sparrow, the Caribbean
A steel pan, reggae tune, an old beguine
The lofty Roraima, St. Lucia, sands of the sea
Oh what shall I be?
Life's cast a spell on me.

I'm rhythm and blues, I'm Billie Holiday
I'm today's news, I'm *sans arrière pensée*
A giraffe, a flagstaff, a saxophone
An atom, beat of a drum, an old trombone
A tisket, a tasket, Ella Fitzgerald, Nina Simone
Oh what shall I be?
Life's cast a spell on me.

I'm a job application, I'm a midnight snack
I'm a timid lover's declaration, I'm laid back
I'm spontaneous, I'm serendipitous, I'm erratic
A moody old hen, a shadow of then, I'm frantic
An impulse, a heart beat, *ex tempore*
Oh who shall I see?
To lift this spell from me.

Maureen Gumbe, UNHCR

THE FALLEN HERO
to Sergio

What happens to meteorites?
Tell me from heavenly heights
Because I am enraged at destiny,
That clocking hand which decides
Our faith in the book of life:
The hour a meteorite detaches
How long its flight before it falls,
The land on which it impacts.

A meteorite detached from Brazil
Wheezed the atmosphere 55 years around
And landed in Babylon its magnetic surround,
The centre stage to accomplish its final voyage
Before that powerful glowing light flickers out;
Resplendent, it is too magical an encounter
In the footprint of time, too ephemeral
It is a life too tragic, too short-lived.

Oh! Babylon the land scourged with thirst
Mesopotamia the ancient land devastated
How outrageous, how unceremonious
How senseless, atrocious, how acrimonious
To pluck Sergio at the prime of life;
Human ignorance, your target was wrong,
The hand of death has struck with force
The meteorite to its devastating depths
Where it agonized and flickered out.

From "*The Papyrus of Hunefer, Book of the Dead*"
I quote "**I have come into the city of God,
the region which existed in primaeval time
with my soul and with my double,
and with my translucent form,
to dwell in this land**" – Babylon.

Sergio, as you join Bernardotte and Hammarskjöld,
May your Soul find perfect peace at the Throne.

Ngozi Ibekwe, UNHCHR

MATRIMONIAL VARIABLE

my ex

*

Love
laden

All hands
to the hold.

*

you tear
I tore

we're torn
my tear

*

Can I forget
before I get
too old for getting

all I can get
of what we got
together.

*

Can we forgive
so much we gave
all that we had
nothing was saved

legacies left
fortunes retrieved
talents endowed
bounties bequeathed

nothing begrudged
cheating the grave
to keep what we gave
each other

Richard Scheeler, UNCTAD (retired)
BLUE ROSE

Bathe my body in blue rose
Spell me magic write me prose
Present me the poet who writes in rhymes
Show me a writer of passionate lines

Smile at me blue rose
The smile you gave when you proposed
Stun me with your possessive lips
Bathe my daydreams in poetic scripts

Shower me with petals plenty
Surprise me with a mysterious smile
Spin my heart into a fountain of frenzy
Come bathe with me for a while

Bathe aurora in blue rose
Bewitch me magic write me prose
Call me the poet who writes in rhymes
Declare me the writer of passionate lines

Vatsala Virdee, UNHCR

Drawing by Bernard Bouvier, UNOG

PASSING FAIR ISLE AT DAWN

The waves loom high behind us
rolling up like bowhead whales
hissing as they strike our stern
to pitch us forward, topsails bellied,
bow-down, running from the Arctic
pushed on by a force six north-west wind.

This is our four hours on deck.
We're Mizzen Watch and Charlie's at the wheel-
in another life he helps build Boeings in Seattle-
while Bjorn, a broker, now our lookout,
sits and shivers, scanning the horizon,
port and starboard, far away across the bows.

We've left the ice and seals and petrels.
Stocks and bonds and half-built Boeings
lie ahead. Away to starboard Fair Isle lies stretched
underneath a salmon sky, a lighthouse
blinking on her cliff-tip, seagulls
sheep and farmers still asleep.

Our pots and pans are dancing in the galley.
The rigging whispers, 'Heading home'.
Back down the world a few degrees of latitude
we're doctors, artists, lawyers, unemployed,
American and Brit and Norseman. Here we're sailors,
rolling with the ship that's been our world for three weeks now.

And as we sail we softly talk of where we've been,
And what we've seen,
and how we came to be together here,
alive.

Alistair Scott, UNSW/SENU

EARTHSHINE

The new moon holds the old moon tight.
Her dying partner glows with faint earthshine,
as by the lake the evening deepens, sucking up the light.

The old moon has not long now, just one night,
to whirl her final turn above the sharp skyline.
The new moon holds the old moon tight.

Across the darkening waters, gulls in flight
head down towards the sea, a slender line
that disappears as evening deepens, sucking up the light.

There was a younger moment when we might
have grasped the stars and twisted them to our design.
The new moon holds the old moon tight.

But in this instant we are timeless, blazing, bright,
As if intoxicated by the fumes of new-pressed wine
We drink as evening deepens, sucking up the light.

How can we know which choice is wrong or right?
Which star to wish on? There is no clear sign.
The new moon holds the old moon tight
as by the lake the evening deepens, sucking up the light.

Alistair Scott, UNSW/SENU

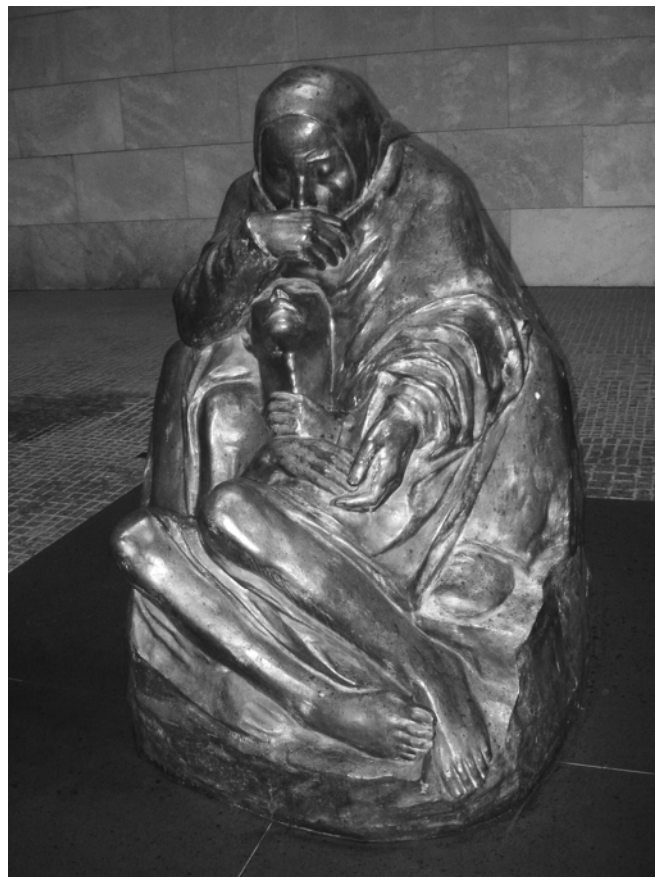
WAITING FOR THE TRAIN

(Warsaw 1942)

With his last
remaining coins
their father buys
one small stale
slice of rye bread,
and divides it
into six.

It is their
final meal
together.

Alistair Scott UNSW/SENU

Pietà (1937) by Käthe Kollwitz, Berlin
Photo by KeK,UNOG

ONLY

The only expressway they have
is ascent to heaven - descent to hell.

The only airline they have
is a rope bridge peak-to-peak.

The only schoolhouse they have
is a clearing in the underbrush.

The only hospital they have
is a shaman's tent.

The only kitchens they have
are paddy fires in the marketplace.

The only theater they have
is a ring around the bonfire.

The only sleeping place they have
is a plain dirt floor.

The only air they have to breathe
is through a gas mask.

The only water they have
is dew drops on a leaf.

The only guardians they have
are other surviving children.

The only clothes they have
are soldier suits.

The only jewellery they have
are tattoos on naked skin.

The only worship place they have
is prayer rugs in a corridor.

The only roof they have
is a cardboard box.

The only TV they have
is their imagination.

Karin Kaminker, UNOG

Photo collage by Cécile Elshami, UNCTAD

IN SEARCH OF STATUES

Under cloud cover, grey and ponderous
as Hannibal's elephant

the Tunis *Médina* –
souk and emporium:
Punic, Phoenician
and the teeming present
in a time-warp mix.

Skirting its stuccoed perimeter and dry *oued*
littered with rusty carcasses,
sackings of modern-day vandals

pushing on into narrow streets
past tessellated Roman faces
in shades of limestone, jasper, carnelian

past tiles and more tiles:
on corridors or *skifas*
housefront or *hammam*
prayer hall or mosque;

tiles bordered, birded, beflowered
in black, red, amber
or blue and green,
repeated motifs on white or cream
gilt-free but shining in the shrouded sun.

Looking for a statue, the perfect souvenir ...
she tunnels deeper into the bazaar
under aromatic canopies
of incense, sea salt, *harissa* and lamb

past scorpions, bee venom
elixir of opium, floral poison
essence of angel, essence of eternity
sweet oranges, honeyed mandarins
thick, sugared black-mint tea

and the ever-present dates.

The western-dressed blend
with mannequins in storefronts
as local worshippers come flooding by,
hoods and veils offering only glimpses of olive skin.

In the shadows, under the arcades, occasional details stand out:
a tanned, goathide face in its deep, white-hooded cavity;
a fringe of black hair beneath a red, fez-like *chéchia*;
a grandmotherly form stooped, slippered, half-veiled
brocade *sifsari* clenched in her few remaining teeth.

“Heidi, Heidi!” a trinket seller calls.
Not wanting to act the tourist
but a tourist nonetheless,
an intruder disturbed by this real-life intrusion,
she responds with a glare.

Now in headscarf and sunglasses,
an invisible hand of Fatima over her flickering smile,
she tunnels deeper still, comforted strangely
by the pasty sightless eyes
of small gold-booted soldiers
hanging in troops on their puppet strings.

Past gold tin, silver tin
a tin smith hammering to the beat of a drum
to goat bleat and camel’s deep-throated groan
to donkey bray and rhythmic rattle of its cart
to timeless wafts of muezzin call

Shielded from contact, safe in her disguise,
why does the next merchant move her so?

His ware: Roman figurines
perhaps just more tin – copper-hued, aged with oxide
but with the feel of the real thing.

His eyes: almond islands in the mesmerizing whirl
of color, shape and sound.

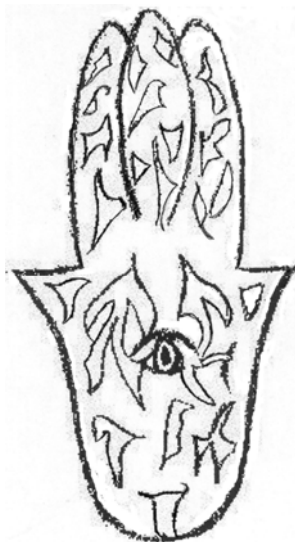
His voice -- too soft for the hard-sell
too soft even for the soft-sell –
too soft for any sale at all --
floats to her above the crowd.

"You don't want a statue, Madame?"
and she hears herself say "No".
Seeing her surprise,
he lets the matter fall.

Emerging from the Médina,
traveling to Sidi Bou Saïd
with its blinding white façades
and signal blue shutters
calling out to sea

it's those soft eyes that she remembers.
It's that one soft voice that she's hearing still.

Karin Kaminker, UNOG

Hand of Fatima by Sana Fenniche, UNSW/SENU

THIS YEAR

This year, the butterflies are
gone.
So are the fish,
the flowers and the bees.
In the leafless trees,
no birds are hopping
from branch to branch.
And, from the little pond
near the cafeteria
the wild ducks are missing.
There is no sound.

This year, the glaciers
have disappeared in the Alps.
The streams have dried up
in the countryside,
and, in the cities,
the air is foul and the water stinks.
No snow fell this year
on the surface of the earth.

This year, the ice cap
melted at the North Pole.
It raised the water level
of the oceans, and flooded
the low-lying lands.
Millions of refugees fled
the coasts of Florida
and the Bangladeshi delta.

No babies were born this year.
There is nothing to eat,
except Campbell Soup,
and nothing to drink,
but Coke.

This year, the human species
fell over the brink.
And the moon has left,

in search of a better planet.
 And, in the planet's long history,
 mankind will be
 a blip on a radar screen,
 there for a blink,
 and then forever
 gone.

Zeki Ergas, UNSW/SENU

MANICHAEAN GAMES

Manichaeian games
 in black and white
 are played by ideologues
 whose world is colorblind.

With certainties of good and bad,
 they drive young soldiers to their graves
 and carnage the civilians too
 in name of just wars and democracy.

Fatigued old myths of patriotism
 hide the slaughter in a haze of heroism.
 Perpetrators play the role of victims,
 Victims are maligned as perpetrators.

Top dogs dress as underdogs,
 while underdogs await their turn.
 In cycles guilt and innocence
 are galloping to nothingness.

Janus-faced our world appears,
 confusing yin and yang.
 A chorus sings our requiem
 while Lysistrata offers peace.

Alfred de Zayas, UNSW/SENU

GULLS

When gulls spill their cries
over my house I know trouble is coming -
maybe just thrashing wind
or high-flying dust, but I can interpret
their energy for a number of things:

a window painted shut, or a day
that starts terribly wrong;
falling out of a tree or out of bed;
a perfect peach with a worm;
when you undress yourself

in front of someone who no longer
loves you but hasn't told you.
It's like those gull cries
and something at the back
of your throat tells you

this is real, this is what life is -
a scoring of the core. You can be
thrashed around in high wind,
flung into open sky, churned,
nothing to chart your direction.

You might fly into a glass door,
get your wings snarled in branches,
or, even worse, find yourself in a nest
alone, tempests overhead,
dust gathering underneath.

Beth Peoc'h, UNCTAD

PAST THE SEASON

Threw summer out this morning
the last of the hot pink zinnias faded
into cooler mornings, longer nights. Shoved
them into the trunk of the car, heading
to the dump, remnants
of tomato vines bound together
with an old pair of winter stockings.

Lunch date at a restaurant,
I find a wedding band
on the washroom floor.
I bend over, hold it in my hand
simple gold ring,
an inner circle can only hold so much.

Now back home, five o'clock sun
pouring in so bright it distils the air
sets fire to the young oak
out front, goes up in flames
before my eyes.

Suddenly I am a jug
filling with something unknown, not sure
if it is clear or pure--
something bittersweet, raw as cider

and I can't get enough,
wanting to absorb
entire orchards, country roads
migrating birds as they rise skywards.

Beth Peoc'h, UNCTAD

SANCTUARY

We saw wind
trying to knock down the sanctuary door
whipping its tail around corners
clutching its fists,
even the mossy gargoyles
on the Basilica grinned and teetered
riding the clouds.

You wanted to seek refuge
in the *Chaperon Rouge*,
while I edged you
into the *Cheval Blanc*
hair wild around our faces
scarves ready to fly off
we needed something warm to drink.

The fearsome wind unnatural
blowing the hills green
rattling the pipes
fiery whisky burning
its way down
and then back up again
smoke caught in the chimney.

Unsettling,
the shutters
that clank in this hilltop hotel
the pipes that drip all night
the Basilica just up the way
where dark prayers gather
under a sandstone vault.

Daffodils tormented
in cold evening light
grass blowing
one hundred different ways
and my prayer
right before Easter
might go unheeded.

Beth Peoc'h, UNCTAD

FLASHBACK

I thought of you today
 And from the deep vaults of my memory
 Your innocent face was wheeled out
 Offering me some nostalgic credit.
 I remembered your smile, the ring of your words,
 The soft and slightly harsher gentle curses,
 Familiar sighs and verbal caresses.
 Deep within me something stirred,
 A yearning, or maybe just a touch of sadness.
 And through the veil of time,
 Kaleidoscope of names and places,
 I enjoyed a glimpse of you,
 As you were brought out briefly from the past:
 An image that still serves me in my present.
 I hope you don't mind me using you like this,
 Long after, and without your yes.
 It's just that when we parted
 Some of you remained in me,
 A long-term loan I like to think,
 A generous, non-expiring, blank cheque.

Bohdan Nahajlo, UNHCR

COMMUTER-WORLD

Perpetual pre-dawn,
 Grey, dull twilight.
 Somnambulant going through motions
 Of life in a tunnel.
 Solitude, nausea, and a lingering pain,
 Breeding indifference, impatience and disdain.
 My rebelling spirit glides over pavements
 That my body wearily crosses.
 Up escalators, down stairs,
 Through torrential streams of noisy traffic.
 Hemmed in by giant sterile monuments
 To an age in which we rush to God knows where.
 Dejected looks, sighs, occasional curses,
 As we hurtle along our endless way
 Into tomorrow's repetition of today's crazy frenzy.

Bohdan Nahajlo, UNHCR

NOCTURNAL PARANOIA

Alone and late into the night,
I sometimes realize that I can't think
In a world of constant noise.
From all around, up and down,
The attacks never seem to cease.
As the clock pounds out each single second,
A train announces itself from somewhere in the dark.
The fire crackles, even cackles,
While upstairs, soft footsteps are amplified into creaks.
And when, having sought the refuge of my bed
And burrowed under sheets and covers,
It seems that now all at last will be still,
My heart keeps proclaiming its continuing beat.

Trapped in this state of sonic siege
I glance enviously at my candle for relief.
This miracle: a source of light and heat,
On fire, and yet so serene.
A glowing metamorphosis of waxen flesh
Into lofty gaseous spirit:
A link between the real and the ethereal.
A symbol for us, the matchstick people,
Whose fate is also one of burning till snuffed out,
Though not always in a way so dignified and surreal.
And almost contemptuous of my unease,
The candle's bright flame flickers on unconcerned,
Pointing the way ever upward to release.

Bohdan Nahajlo, UNHCR

MOODS OF MUSIC

*“Without music”, said Nietzsche, “life is an error.
The German imagines even God singing songs.”*

Carrying us through from cradle to grave
rounding off moments of ecstasy and sorrow

There is music

In the silence
the rhythm of the rain
the song of the birds

It is there

In the invitation to dance
the tranquility of meditation

Music

The artery of opera
backdrop to the screen
and life of the stage

The harmony of notes

that alleviate pain
evoke youthful dreams
release pent-up emotion
and provide solace for the grieving

And if one would listen
there is music
in the wind and the trees
that frees the soul

Ginny Rogers, UNCTAD

ROSES

Phanat, the name of my four-footed lady
Surely a gift from above
We traveled together in climes hot and shady
Long years of true friendship and love
Eight kilos of silken fur, fun and motion
made up a lifetime of love and devotion

A terrier of class, distinction and heart
My doggie with beauty and brain
The world's all-knowing, by far the most smart
Perhaps also the world's most vain
Growing old with decorum, poise and grace
There was so little change in that lovely face

On 14 December she said her goodbye
With a softness and pride hers alone
There's a space in our home which we cannot deny
And a memory that's all her own
The blessings in life have to come to their end
I count myself lucky to have been her friend

I gaze at my new bed of beautiful roses
So special, their roots deep and strong
Where scattered ashes with soil interposes
They're bright, and their perfume lasts long
Her comforting presence will always remain
In my heart, and my garden again and again

Ginny Rogers, UNCTAD

WORD BITES

Why, with such delicious words
Like fennel, sorrel, leek
We keep a dish, like rotten fish
In Saxon crossed with Greek?

A word like squid's unspeakable
Tunafish makes mush of little
Perch is chewed, and shrimp is skewed
Hake sounds like hawk and spittle.

Rack of lamb is tortured meat,
Pork chops hardly better
Poultry's stuffy, steak's a toughie
Merely jawbone fetter.

Groats or kasha? Mealy grains
Muesli's stuck on u's
Wheat maybe could get a C
But still, that's no excuse!

Barley rolls around the cheeks
Pasta slides on through,
Pepper pops but spinach stops
A mackerel might do.

So when you next select your food
Be sure and chews words well:
Some diphthongs plop, some glottals stop
Be sage, in thyme you'll tell.

Alexa Intrator, UNSW/SENU

BUREAUCRAT'S POEM

Everytime I rewind my thoughts
to the point of departure
of my last or any poem
the phone rings
a message blinks
a boss honks
a subordinate ordnates
a stack of files stretches
on each side of me
stealing my pristine time
from poetry
or ruminating,
chewing the empty again and again
while gazing at alpine flowers,
clouds in a light blue sky,
walking on grass
barefoot
on tiptoe, to spare the bug
the bureaucratic beast
the filesitter
the screensaver
the chairman
with the butt
well-centred
the neck tied
the thought cuffed
but well paid me
well kept me
...so push the button
rewind endlessly
to the point of departure
the bottom of the file
the start of the pile
the poet's virgin mind
slowly filling
with words.....

Peter Auer, ILO

STORMY WEATHER

Tired of innocence
Snow White and Bluebeard decided
to bring Little Red Riding Hood to a full stop.
This caused a confusing color and grammar storm.
Snow White and the Riding Hood starlet
crashed into each other
turning into a phosphorescent pink frost.
Bluebeard dragged Snow White out of it
and both of them hid in a parenthesis to mate
(dissolving in sighs and becoming a pale pastel blue sky).
Little Red Riding Hood tried to open it
(but could not).
Bluebeard threatened her with an exclamation mark!
She became violent.
Both became violet.
Tired of looking so much like themselves
they decided to risk a change.
Snow White headed to Africa
and got an ebony tan on her drunken boat.
Grasping the Red hood to cover his face
Bluebeard shaved off the end of his name
while Little left riding on the end of hers.
So deconstructed, Blue, Snow and Little dispersed
drawing a lilac curtain on this very verse.

Victoria Slavuski, IAEA

BRAVE NEW WORLD:*Commodity Fetishism and the East Midland Blues*

When “baby” is an airline
 And “kiss” is stamped on a bus
 Or is the name of a band,
 We have reached
 That post-war promise:
 The Brave New World.

When you buy something
 You ain’t seen, touched, held
 Ne’er mind the person who made it,
 Some village girl turned prol’
 In Shanghai, Guangzhou, Fukow,
 The brave new world is nigh.

When child’s play or games
 Are consoles with screens,
 All buttons and electronic
 Wham, bang, thank you ma’am,
 Hello, my brave new world.

When we've all become
 cash-till automatons,
 And cashiers find new jobs
 As pin-ups, if lucky,
 Our Dutch flowers and Belgian chocolates
 Bought blandly at Tesco,
 Brave new world, hello.

When security guards thrive
 On mistaking lipstick for poison gas
 And medicine for venomous hate,
 When muscled tattoos of bravado
 Swagger into new growing jobs
 While innocents fear to go abroad,
 Haha, brave new world.

When airports unbelt and unshoe you
 Then lull you with crumpets and scones
 And request you to relax & shop
 Before proceeding thru more

Hellish security queues,
Hurrah, brave new world.

When the promised nirvana
Is mechanical sex
And bumped-up boobs,
When pride is the Porsche
In your garage,
And leisure is reading
FT's "How to spend it",
Hey, hey, brave new world.

When you gladly give your coins
To machines called one-armed bandits,
When dazed travelers buy gambling cards,
Throwing good money after bad,
When all live in the hope
Of winning the hapless lottery,
Hey-ho, brave new world.

When you hunger for a holiday,
Save up and go into debt
To buy that package in the sun,
Only to return fleeced, burned,
Sorry to be in the queue again,
Go on, brave new world.

When a nice lady gets a job
Policing vacant faces
As they stare at the security post
Blank and empty for now,
As police dogs sniff
And tattooed boys smirk
Behind their black guns,
Hee-hee, brave new world.

.....

Yet there also sits a swan
In the pristine dawn,
Drifting in its billowed sails
Hiding its head in its wings:
Old, old world?

And young Baloo sits at the airport
 Writing about an old couple
 First glazed by their conformity,
 Then open to their charm,
 Their long, quiet shared moments:
 Our old world?

And our Samy searches for the grace
 That charms and beckons,
 Striving for the confidence
 To brave this world:
 This old, new, wonderful world.

Zafar Shaheed, ILO

RAVEN'S SONG

Wind–shadowed ravens
 cut through the air
 nailing burning hunger
 into the sky
 There is a space
 between muscle and bone
 where the wind goes
 There is a place
 between lungs and heart
 where the shadow sits
 There is a knife
 in the throat
 that cuts through words
 There is a nail
 in the brain
 that stops time
 There is a body
 within the body
 that kills the hunger,
 burns the sky

Sygun Schenck, UNSW/SENU

REPTILIAN EYES

Weather-beaten skin creased
With age, poverty, time.
Once youthful girl-eyes
Hardened now, cold, reproachful,
Like a defensive reptile estranged
From another world, fast waning.
Ethnicity, diversity, culture bulldozed
By industry and urbanity ... a machine world.
A sacredness held in her eyes.
They say «Keep away!
Don't wipe us away!»
Reptilian eyes on the cover of a magazine
For nonchalant people in a material world -
We glance at her eyes from our lounge-lizard sofas.
Startled, she stares upwards.
Our soft sofas are her concrete floor.
Like some fresh species in a zoo,
Machine-material world finds her so intriguing:
«Those eyes, oh my! We must have them!»
Such beauty and depth held in this reptile.
So watchful, so guarded.

Samar Shaheed, UNSW/SENU

GRANNY WISPS

Silver granny wisps streaming in the wind.
Cobwebs spun secretly, silently.
Mini - intricate paddy fields of rice
High atop the green hedges...
An uncanny place to spin a web!
But crafty dudes they are:
The sucking machine has chased away
The paddy fields one too many times,
Chased them into oblivion.
"Not this time! Let us move to another resort,
Where we shall be kings of the mountain!"
The inhabitants steer away
From the usual "home-making venues":
Crooks and crannies, angles of window panes...
To spin their silver on lush green carpets,
Dust-free *et en pleine aire*
On their own private sky-scrapers overlooking gardens,
A natural, manmade Berlin wall.

Samar Shaheed, UNSW/SENU

Berlin Wall 2006. photo by KeK, UNOG

LOVES, LOST LANES and MORE L'S
A Caminante Song

ah life: leads you and your migrating lines
 leaping from that one luculent word amidst
 lush silences and lurking smells
 breaking out into lean meats
 if perfectly lappable low-calorie licks
 in a litter of shopping lists.

oh that sweet mystery of latent leads
 you think you've caught in the lightning
 beyond the night's lingua franca until
 some new day's sunrise lifts you: it's time
 to let go whatever's lugubrious, so you
 launch out or just lackadaisically
 lull over – again...

longing to go beyond ladida states:
 to evolve into a lotus-eater –
 luxuriating in larger-than-life pictures
 with you, at centre-points, no less
 not just as flash lustres of twilight zones nor
 as short-lived late-night shows limbering up
 into a lodestar swathed in stately purples and
 loden darks preferred by princesses lampooned
 in the logarithms of limp mimicries

you also look behind the littlest cues
 even as you're just sniffing lavender
 or lollin' up graffiti in the loo and thus
 peering through laundry-curtained lairs
 onto some groovy lounge for the lambada
 into Landemonium's legitimate whims bridging
 the latex and the lingerie in-between
 the lies and the lance.

a lizard lazes up the walls in your loft
 listen to its tok-i-tok mum used to say
 it's announcing a letter or a visitor

and so you learn the language
of its tokitok-itok-itok
which could spell disaster linked
to that long-forgotten lover
ringing your doorbell.

Camilo Antonio, formerly UNIDO

THE MUD PUDDLE AND THE MOON

The moon looked down on the mud puddle,
Said the moon , it may be too soon
To tell you my secret , but to play cricket
It's something that I should forbear.

The mud puddle looked up at the moon:
Of yesteryear I have no fear.
But as for tomorrow, it betokens sorrow
Since I'll dry up and be no longer here.

Ray Barry, formerly UNIDO

TWO POEMS IN THE KALEVALA STYLE

In 2006, when Austria handed the Presidency of the Council of the European Union over to Finland, the Vienna School of Poetry (Schule für Dichtung in Wien) organized an internet workshop on writing poetry in the distinctive style of the epic Finnish poem, *The Kalevala*. Following in the footsteps of the American poet Henry Wadsworth Longfellow, who in 1855 adopted the *Kalevala* form for his epic «Song of Hiawatha», various members of the United Nations Society of Writers participated in the online workshop and tried their hand at writing in the trochaic tetrameter of Finland's Kalevala. Two contributions, which unlike their illustrious predecessors are intentionally playful in tone, appear below.

EUROPA AND THE BULL

(A Modern Kalevala Poem)

Spirit of Europa, fleeting,
 passes through many a meeting
 taking stock of hot bull sessions
 in the well-oiled stock professions.
 Only the best company keeping
 gradually her fame came seeping,
 coast-to-coast the lands uniting,
 minotaur and dragon smiting.
 That, by Zeus, was the beginning
 of this realm of double-chinning;
 bear and bull and in-betweening
 much of losing and of winning.
 Speculation right on target,
 killings in the taurine market,
 fatal moves and bold advances,
 giants felled by silver lances.
 Never meaning to be gory
 or deride Europa's glory :
 Shoot the bull, an allegory.
 Fully cock and bull, this story.

KeK, UNOG

ELYSIAN RUNE

(in the trochaic tetrameter of Finland's Kalevala)

Greece was Europe in the making :
 Laurelled athletes in Olympos,
 lyric poets in Parnassos,
 Pythia's riddles always waking
 curiosity and learning.
 Yearning with sure optimism,
 oracles of heroism :
 "Know yourself" is highest wisdom.
 Metron ariston, the "golden
 Mean" means life as *meden agan*.

Vineyards on the slopes maturing,
 drunk Dionysos dances during
 rites, as Leda dreams Rilkean
 Zeus as Swan in Tuonela.
 There audacious Lemnikäinen
 with Artemis' rapid arrows
 hunts the woods of Tapiola,
 soothing soon Sibelius' sorrows
 with the mead of European
Freude, chorusing Beethoven.

Mauricio Gancefort UNSW/SENU

BARCELONA

Barcelona, a tí no puedo dejar de escribirte
pues me inspira la belleza de tus sitios:
el Parque de la Ciudadela, tu Pasaje Colón,
el muelle de la Fusta, la Sagrada Familia...,
el colorido y el ritmo de tus calles,
la euforia de tu gente,
tus palmeras (natales y lejanas)...
Barcelona a tí te recordaré por siempre
ya que en tus entrañas conocí el amor.
Rindo homenaje a tu ambiente alegre y cálido
a la acogida tierna que tu corazón me ha brindado,
al amor eterno que encontré en tu regazo.

Barcelona, tú me arrullaste
en dulces noches en tus brazos
y yo dormí feliz sintiendo tu mirada enamorada.
Barcelona ciudad amada
en mi alma y en mi mente
has sabido quedar impregnada.

Martha Beatriz Rodríguez R., UNOG

INCERTIDUMBRE

Viendo transcurrir
mis veranos y mis inviernos
en los escombros de tu frío y tu calor y
en la lejanía de la esencia de la vida,
divaga mi pensamiento
en un futuro y en un pasado
reflejados en lo etéreo de la incertidumbre.

Danza el viento en tu paisaje,
yo espero hoy el tren de la partida
que se detendrá en una ignota estación
y se confundirá luego con el horizonte infinito
del correr del tiempo, testigo fiel
de las primaveras y los otoños
que bosquejaron y vieron desvanecerse
algunos de nuestros sueños.

Canta mi corazón
rebotante de fé y alegría
al decirles al Creador y a la vida
de que a pesar del ayer
y a lo incierto del mañana
« Hasta HOY gracias mil, confienso que he vivido ».

Martha Beatriz Rodríguez R., UNOG

DESAPARECIDOS

“...cada vez que tomamos contacto con la cuestión de los desaparecidos...el sentimiento que se manifiesta casi de inmediato es el de lo diabólico....es imposible enfrentar el hecho de las desapariciones sin que algo en nosotros sienta la presencia de un elemento infrahumano, de una fuerza que parece venir de las profundidades, de esos abismos donde inevitablemente la imaginación termina por situar a todos aquellos que han desaparecido.”

Julio Cortazar

¿Quién te desapareció?

Su rostro es anónimo
ojos color cobardía,
pupilas sitiadas por el diablo.

Los verdugos tienen rostro de río atrapado,
una anguila se retuerce en su mirada.
Serpiente ensamblada
lanza gota a gota su veneno.

Nadie sabe en donde están los que un día levantaron voces
para decir que no,
que había otros caminos.

Desde el vacío nos miran
y nos sentimos ciegos.
A tientas buscamos su recuerdo,
nos asimos del hilo
esperando nos lleve a ellos
para no morirnos desde ahora.

Nadie sabe si en donde están
la cueva es circular o cúbica
si han sido ultrajados
o ya están muertos.
Nadie ve los rostros
pero todo muro está compuesto de ellos;
los oímos respirar,
y las madres abuelas de *plaza de mayo*
no saben si es su hijo o el de aquella.

Los desaparecidos nos despiertan en la madrugada
su beso inmaterial absorbe el respiro.

Damos manotazos
palpamos en vano
y ahí están,
ahí están...

Noemy Barrita Chagoza, OHCHR

drawing by Bernard Bouvier, UNOG

A FÍLIDA

Tirana en tu ocaso te volviste, Fílida, y reinaste
con cetro de vinilo carmesí
sobre las potestades agrias, feudos
de la noche que bebieron de ti entonces mansita,
pitonisa casera,
y en la otra película hubieron de sufrirte
en tu papel de amante
vestida para matar y, si se diera, morir,
la risa repintada, la billetera llena para el viaje
con aquel que te espía y que vendrá por ti.
Lo esperas desafiante, fiel, intempestivamente
joven. Así te vi,
 como una boca inmensa,
la mujer de la calle que se me cruzó en Niza.
Y eres tú hoy la sangre y el abismo,
poeta de la vida
clavada a tu ventana en Nueva York.
Mas lo blanco te alcanza y te destiñe
esa boca, la palabra encarnada.
No el débil corazón,
que como tu lápiz de labios
entró rojo vivo de venganza en la muerte.

Maria Elena Blanco, UNOV

HO

C U S F

O C U S

Results-based management.

Dick Moens, UNOG

EWIGES WISSEN

Unter den Weisen ist der Poet ein Jüngling
unter den Menschen erscheint der Poet weise
nur ein Hauch im Fluss der Zeit
ist das geschriebene Wort
kaum berührt es die Seele des Menschen

Gott allein ist der Meister unserer Seele
Gott allein gibt dauerhaftes Wissen

DER MENSCHEN LIEBE

Die Liebe
der tiefe Brunnen
der lange Atem
das besondere Leben der Seele.

Den beiden Kindern gibt man Perlen
und sie werfen die Perlen in das Meer der Lust.

Sie ziehen die Netze über den Grund
und hoffen sie wieder zu finden
Wo wir doch täglich
die Perlen des Morgens
neu am frischen Gras des Lebens erfahren

Johann Buder, Austrian Mission

TRANSLATIONS

TRADUCTIONS

TRADUCCIONES

THE PRÉCIS-WRITER

2006 U.N. English Language Service Poetry Translation Contest

In 2006, the English translators at the United Nations Headquarters in New York organized their second annual internal poetry translation contest. English translation staff from all duty stations were invited to submit their translations of the poem **LE RÉDACTEUR DE SÉANCE** (ou : **L'ART EST D'ACTION**) by André Barré, who worked as a translator in the French Section around 1951. The poem was rediscovered by Jacques Estabial, rediscovered for a second time by M.C. Luong and is now being recorded for posterity.

The contest was won by **Nigel Lindup** from the UN Office at Geneva. Second place went to Jean Rose-Benoit (ret.) of Headquarters, and third to Vicki Oliveira, also of Headquarters. The original French poem and the winning translations are reproduced below:

LE RÉDACTEUR DE SÉANCE (ou : L'ART EST D'ACTION)

Tel qu'en la cage altièrè où son art l'emprisonne
De sons familiers les vêt le truchement,
Le rédacteur transcrit d'un charbon véhément
Les adverses discours dont son tympan résonne

Lors, métamorphosant en la tierce personne
La palabre qu'il fige en un froid monument,
Il comprime ou réprime - ou supprime uniment -
L'ampoulé qui pullule ou l'oiseux qui foisonne

Ivre d'intelligible, il annule d'un trait
L'hermétique rebelle à livrer son secret
Edulcore l'outré, qu'il blesse ou qu'il honore

Puis note, comme l'ultime s'est enfin tu, l'heure où
Mû par le dextre poing de l'Inde ou du Pérou,
Vibre en l'air tempéré le martelet sonore.

André Barré, UN New York

*The winning translations from the 2005 *Feliz Día de San Jerónimo* contest were published in *Ex Tempore* No.16.

THE PRECIS-WRITER

(or: So Many Records)

As the interpreter, a prisoner of his art,
From his lofty cell reclothes the rivals' quibbles
In sounds familiar, the précis-writer scribbles
With darting pen each point these to her ears impart.

When later rendering as reported speech her notes,
The speakers' fleeting words fast freezing on the page,
She coldly cuts and edits, suppressing verbiage,
Rhetoric and bombast and trivial anecdotes.

Keenly seeking meaning, she boldly strikes out all
Where sense sits stubborn, hid behind a near-blank wall,
And tempers excess, whether used in praise or cavil;

Then notes the hour the final speaker stops for air,
When, deftly struck by India or Peru as Chair,
Resounds through the now close room the closing gavel.

Nigel Lindup, UNOG

THE PRECIS-WRITER

The precis-writers note with ardent pens
the adversarial speech that ear confounds,
transmuted into more familiar sounds
by the interpreters, caged in lofty dens.

Transposing into discourse indirect,
palaver for posterity they freeze;
delete, compress or modify, with ease,
bombast and piffle, lest they thrive unchecked.

Champions of clarity, briskly they curtail
hermetic prose that will not shed its veil
and mute outrageous insult or compliment.

Then, when at last the final speaker's through,
they mark the hour when India or Peru
wields the swift gavel, sonorous implement.

Jean Rose-Benoit, UNHQ (retired)

THE PRÉCIS-WRITER (or Art in Motion)

While captive in her fish-bowl the scholiast on high
Restores familiar cadence to words hitherto arcane,
So too the précis-writer, with frantic pen a-fly,
Decodes the lengthy diatribe that buzzes through his brain.

Thus, by sleight of hand, direct becomes reported,
The endless back-and-forth immortalized at last.
Digressions are truncated or, better yet, aborted
Bombastic to fantastic, detours all bypassed.

Drunk on new-found meaning, he crosses out with glee,
Extracting hidden nuance that mere mortals may not see.
He pacifies the outraged, respectfully, of course,

And, once the final delegate has argued himself hoarse,
Notes down the precise hour at which Barbados or Niger
Allows the gavel's voice to echo through the rarefied air.

Vicki Oliveira, UNHQ

drawing by "Touvu", UNOG

BURNING HOUSES

The oldest nightmare in the world
is losing your place under the sun,
to be chased out of your Eden,
dispossessed and replaced.
Burned houses fuel the fire
of the hatred nursed in the bosom
of mankind throughout history.
They symbolize the annihilation
of the space with which you identified,
to which your life was anchored.
When you burn a house,
you obliterate the refuge
of intimacy and destroy
the sanctuary of emotional attachments.
How can you ask people
with no roof over their heads
whether they are all right in the head,
or expect them to relate
as humans when all they have
to keep themselves warm
is the fire of their hatred?

Translation from the French
by **Ebenezer First-Quao, UNECA**
(Excerpt of text from
the 2005 UN Translation Exam.
Adaptation by KeK, UNOG)

NATURE

I am stringing the stars.....
to a decimal infinity
 So I may travel the silent planets
 And talk to them with the brightness of my silence.
 Listen, those of you who are still breathing!
 I beg to God for a new Eden.

I line up its valleys and its hills
 As I forecast its coming,

And I will tie
 Dawns and Dusks in all "Four Seasons"
 To the serpent of lights.

Future soldiers will battle for the ownership
 Of seas and fields, deaf colleague of the unraveling.
 Teacher of Poets without verses and empty stomachs,
 Weapons melt down
 Against steppes of lust and envy;
 Shots in the air that are visible;
 Angels have no other option,
 Sources may not even filter the rains;
 Gardens that are dry even after the dew;

Pupils' refraction of lightning
 Walking with heavy steps until the sweat is sucked out of Utopia
 Wake up, it is getting late!

Original Spanish by Amarilys Gonzalez Camacho
(from the book "Paraiso de cuerdas")
Translation by Rafael VG Rodriguez , UNSW/SENU

STEPS

As every blossom fades and youth must pass,
so every stage in life will only flower
in its time, all wisdom, virtue has its hour
and should not overreach, its prime surpass.
Alert to every call from life, the heart
must welcome new beginnings -- learn to part
from all without regret, embracing new
engagements bravely, open to what may ensue.

In all commencement dwells a magic power
that protects us, guiding us through life anew.

Content to stride from space to space, we should
not cling to any as our own. The Life Force would
not bind us nor restrain, but broaden our
horizons, step by step enhancing us.
No sooner are we settled, that our impetus
declines. Impending slumber comes upon us,
habit weighs us down. Thus only those prepared
to part and wander progress unimpaired.

Perhaps the hour of death will yet afford us
newer spaces, younger hopes. Life summons us
at every stage, recalling its true worth...
Bid farewell, Heart: In parting is rebirth!

STUFEN by *Hermann Hesse*
Translation from the German
by **Alfred de Zayas, UNSW/SENU**

SOUS TES AILES

Tu tendais tes bras en avant
tu les serrais fort
autour de mon cou,
ton corps
désormais au mien suspendu,
tu me chuchotas:

"J'ai l'impression de voler
sur les vagues de l'océan
comme ce goéland
là-bas
qui frôle l'horizon
en essayant de l'attraper".

A ce moment-là
j'eus le sentiment d'être
le monde entier
à l'abri de tes bras ailés.

SOTTO LE TUE ALI by *Pietro Barbera*
Translation from the Italian
by **Francesca Rosati, UNSW/SENU**

LE COLLIER

J'ai recueilli
mes sentiments
en mille gouttelettes
et j'y ai mis
tout ce que je ressens pour toi.

Comme des perles très rares
je les ai cousues
avec des fils d'espoir
jusqu'à former
un collier de lumière.

Délicatement
sans que tu t'en aperçoives
j'ai soulevé tes cheveux
le glissant autour de ton cou
l'appuyant contre ton sein.

Tu le portes désinvolte

Autour de ton visage,
à présent,
un scintillement d'amour,
comme une lumineuse armure,
refoule tout chagrin.

LA COLLANA by Pietro Barbera.
Translation from the Italian
by **Francesca Rosati, UNSW/SENU**

CLANDESTINS

Ils atteignent le rivage, parfois.

Dans le cœur, les camarades perdus
les amours brisés,
dans la tête, l'inconnu,
dans les yeux,
une lueur d'espoir.

À mains nues,
accrochés à la vie,
arrachés à la fureur des vagues
à la barbarie,
à la faim,
ils creusent des tranchées de liberté.

Clandestins sur la terre aride
dissimulés sous des pierres de silence
noyés dans les gouffres
de l'indifférence.

Le long du chemin
ils laissent des traces de sang
estompées par l'eau,
absorbées par la terre,
évaporées au soleil rubescent.

Fantômes...
 Insaisissables...
 Clandestins...

A l'égal de notre solidarité.

Nous ne dressons que des barricades
contre l'humanité.

Le temps a toujours ébranlé
murailles et empires
effacé les bornes,
déployant d'épaisses couches de pitié
au-dessus de toute hostilité.

CLANDESTINI by *Pietro Barbera*
translation from the Italian by
Francesca Rosati, UNSW/SENU

Перевод с греческого Галины Ивановой
Алексис Парнис

КРЕМЛЕВСКИЙ МОГИЛЬЩИК

Звали его Прохор Иванович, и трудился он в одной из Кремлевских служб, отвечая за зеленые насаждения вдоль Кремлевской стены и за поддержание порядка на маленьком кладбище слева от Мавзолея, где покоились великие советские деятели. Работал он здесь уже пятнадцать лет, и время от времени ему приходилось копать могилы для новых номенклатурных покойников. Жил он на Серпуховке в двухэтажном бараке, поделенном на маленькие комнатухи с общей кухней и ванной на каждом этаже, в котором ютилось больше десятка семей рабочих. Детей у него не было. Была только жена Зинаида Егоровна - женщина необъятных размеров, так что теснота их жилища волновала его лишь с философской точки зрения. "Ты только подумай, - сказал он как-то Зинаиде, - те советские лидеры, которых я хоронил, наверное, страшно мучаются в могилах после своих просторных квартир и государственных дач. У нас же не будет подобных проблем, ведь мы всю жизнь прожили в клетушках". Понятно, что политически подкованная Зинаида, которая работала уборщицей в милицейском участке и в вечерней партийной школе, грубо одернула его: "Я не потерплю насмешек над покойными ветеранами партии и правительства. Не хватало еще, чтобы какой-то жалкий неудачник высмеивал представителей нашей власти". Эта гадюка опять бросила камень в его огород, и, говоря по правде, вполне справедливо. Все, чего он добился в жизни - это мизерная зарплата, комнатуха четыре на пять метров, чтобы было где приткнуться, да неизменные сто грамм водки в ближайшей закусочной...

И вдруг в один прекрасный вечер жестокая судьба смилостивилась над ним, позволив ему глотнуть нектара, предназначенного для избранных. Он сидел дома один (Зина еще не вернулась с работы) и с мрачным видом слушал радио. Диктор рассказывал о том, как проходил открывшийся на днях Съезд партии. Однако Прохор плохо соображал, так как дело было накануне получки, и у него не осталось ни гроша на вожделенные сто грамм. Вдруг его бросило в дрожь, и земля поплыла у него под ногами - он услышал, как диктор сообщил суровым и торжественным голосом: "Съезд единогласно принял решение вынести останки Иосифа Виссарионовича Сталина из Мавзолея и захоронить их у Кремлевской стены". Не успел он опомниться от этого удара, как в дверь постучали: "Прохор Иванович, вас к телефону, " - крикнул ему сосед. Общий телефонный аппарат, висевший в тускло освещенном коридоре, был метрах в пяти от его двери, но ему казалось, что он проделал целое путешествие: так сильно сковали его изумление и страх. Он взял трубку. То, что он услышал, сразило его окончательно. "Говорит капитан Яров, - услышал он грозный голос КГБэшника, отвечающего за кремлевские захоронения. - Через полтора часа ты должен явиться в мой кабинет.

В своей рабочей одежде. Сегодня ночью твои кирка и лопата станут историческими инструментами!” По тому, как торжественно и высокопарно он выражался, Прохор понял, что его собеседник слегка пьян.

Когда он прибыл на место, ему тоже дали грамм двести водки, чтобы он не замерз. Они погрузили на маленький грузовичок “инструменты истории” (он, Яров и два солдата) и двинулись в сторону Красной площади. Остановились слева от Мавзолея, и Яров показал Прохору, где должна быть яма:

- Вот здесь начинай копать. Один на два будет достаточно.

- Но ведь это норма для рядовых, - механически заметил потрясенный Прохор.

- Он теперь тоже рядовой, - ответил Яров, своим резким тоном давая ему понять, что хватит лишних слов.

Затем, взяв двух солдат, капитан отправился в Мавзолей. Прохор бросил взгляд на погруженную в темноту Красную площадь. Милиция и военные перекрыли все подходы к ней. Тускло светились кремлевские рубиновые звезды, изумленно глядя своими красными от бессонницы глазами на необычную сцену: на фасаде Мавзолея Ленина и Сталина взгромоздившиеся на лестницу рабочие сдирали табличку со вторым именем...

Прохор чувствовал себя очень одиноко между мрачной площадью с одной стороны и полутемной зубчатой стеной - с другой: казалось, он находился в пасти огромного чудовища - а чем иным является история?

Работа продвигалась быстро: земля была хоть и холодная, но очень мягкая (ее подвергали специальной обработке), и вскоре он уже по грудь стоял в яме, в которую с минуты на минуты должны были бросить низвергнутое божество. И впрямь: он сам, его лопата и кирка превратились в средства уничтожения, которыми часто пользуется мать-история, превращаясь в мачеху, дабы наказать своих вчерашних любимчиков.

В голове у него загудело, в животе забурчало, дыхание перехватило: Прохор, наконец, начал осознавать, на какую высоту подняло его падение титана. Он стал не только очевидцем, но и участником события всемирно-исторического значения. Противоречивая судьба взяла его простую глиняную душу, забросила ее в небесную доменную печь, где из звезд делается сталь. Когда простой смертный достигает вдруг таких божественных высот, то вполне может и рехнуться. (Как это случилось со скромным начальником маленькой станции Астапово, предоставившим убежище великому Толстому, или с пилотом, сбрасывавшим атомную бомбу над Хиросимой. Как бы и Прохору не последовать их примеру...)

Он сидел на дне могилы, глубоко вдыхая вольный воздух вечности, который уравнивает богатого и бедного, господина и раба, Сталина и его могильщика, и думал о том, каким бы прекрасным и справедливым мог бы быть мир там, на земле, если бы им правили подземные законы. Никаких тебе войн, ни тяжелой работы, ни тиранов, ни борьбы, ни высокомерия. Интересно, что бы

ответила на это Зинаида? И как бы она отреагировала на то, что ее муж, “жалкий неудачник”, превратился сегодня вечером в историческое лицо?..

Он услышал шум наверху, затем увидел солдата у края ямы. “Тебя там зовут,” - сказал он Прохору, и тот, направляясь вместе с солдатом к Мавзолею, почувствовал, как груз лежащей на нем ответственности оттягивает ему плечи. Прежде чем их заглохнул величественный склеп, Прохор успел заметить, что работа на фасаде уже закончена. Теперь здесь красовалось только имя Ленина. Через одну-две минуты и его прах здесь тоже останется в одиночестве, как единственный экспонат и предмет поклонения многочисленных посетителей. Второй же покойник был уже на пути к окончательному разрушению, от которого до сих пор его удерживал герметически закрытый гроб, сложная система терморегуляции и химическая обработка... Тяжелая стеклянная крышка была уже снята, два молчаливых человека в длинных темных фартуках и в перчатках отсоединяли провода у основания массивного прозрачного гроба, повинувшись четким командам военного в очках в золотой оправе, которые тот отдавал им в полголоса. Военный был удивительно похож на покойного Берию. Он стоял в углу рядом с другими неизвестными Прохору политиками и генералами, которые молча наблюдали за происходящим. Все было кончено, но развенчанный вседержитель в сияющем маршальском мундире, с надменным каменным лицом, гладким и румяным из-за специальной пропитки, имел презрительное и недоверчивое выражение. Казалось, он не мог поверить, что те, кто еще вчера его воспевали, стоя перед ним на коленях, решатся на его святотатственное выселение...

Прохору Ивановичу, который пятнадцать лет работал в тени Кремля, в двух шагах от Хозяина, так и не удалось увидеть его вблизи. Но ожидание такой встречи всегда жило в его надеждах и мечтах.

И вот это произошло. Конечно, совсем не так, как он себе представлял - судьба создает самые противоречивые вещи из материала, который ей предоставляет наша фантазия, в результате чего мы испытываем сильнейшие душевные потрясения. Он чуть не упал в обморок, когда до него дошло, что именно его судьба избрала орудием, при помощи которого труп генералиссимуса должен быть извлечен наружу и брошен в обычную могилу. “Должно быть, он очень тяжелый, почти неподъемный, как и слава о нем,” - подумал Прохор. Поэтому его так испугала, и даже привела в панику, его невероятная легкость: будто он поднял подушку, набитую ватой или пухом...

Когда он спустился по ступенькам Мавзолея, ему опять стало дурно. Он чуть не потерял сознание, и только страх перед Яровым придал ему силы. Упавши он в обморок, его состояние расценили бы как шоковое и подумали бы, что он сокрушается о разжаловании “отца народов”. Всего можно было ожидать от этого КГБэшника, еще вчера бывшего таким верным сталинским псом, а сегодня превратившегося в хрущевского бульдога.

Он не помнил, как дошел до края могилы, держа перед собой свой

страшный груз. Он делал все машинально, двигаясь, словно лунатик...

Когда он начал, наконец, закапывать вместе с двумя солдатами темную яму, кремлевские часы на Спасской башне пробили два раза: Дан! Да-а-ан! Неумолимое время - этот бессмертный горе-мастер, было верно себе: подарив миру очередного идола, оно теперь уничтожало его, словно творец, недовольный своим произведением. Разноцветные купола храма Василия Блаженного напоминали пухлые щечки херувимов, трубящих что есть мочи в честь наступления новой исторической эпохи.

- Завтра же я сбрею свои усы, - решил Прохор, отправляясь домой...

На следующий день в газетах появилась заметка в две строчки об исполнении решения съезда, без каких-либо комментариев: "Прах товарища И.В. Сталина был вынесен вчера из Мавзолея..."

Painting by **Polina Ivanova**, UNSW/SENU

Когда пресса столь скупа на информацию даже в отношении таких исторических фактов, как изгнание из пирамиды величайшего из фараонов, со стороны голодных до информации "Homo Sovieticus" возникает преувеличенно нездоровый интерес к свидетелям этого события, таким как Прохор. И вот день ото дня он становился все более вожаком "информационной добычи" для излишне любопытной публики.

Первые слушатели нашлись уже в тот же вечер, когда он отправился в гостиницу "Националь", знаменитую своим рестораном, где швейцаром служил его закадычный друг Игорь. Он всегда старался заполучить ночную смену, чтобы сорвать побольше чаевых. Игорь пристроил вместо себя какого-то парня и потащил Прохора в комнатку за кухней, где переодевался и обедал служебный

персонал. И там он заставил его рассказать о своей вчерашней исторической миссии сначала шеф-повару и двум официантам, потом завхозу, завпроизводством и горничной, периодически освежая его память рюмками водки и изысканными закусками. Затем последовал визит в самый дорогой “люкс” на третьем этаже, в котором в те дни проживал ленинградский режиссер Юрий Шершефамов - таково было прозвище их знаменитого постояльца, с бьющим через край темпераментом, душой нараспашку и всегда полным кошельком. Официанты и горничные буквально боготворили его. Должно быть, кто-то из них рассказал ему о новой “достопримечательности”, объявившейся в гостинице. Юрий тут же захотел встретиться с ним. И разве могла его оставить безразличным столь живописная личность, которая уже превращалась в его фантазиях в героя нового фильма? “Люкс” состоял из гостиной, спальни и огромной отделанной мрамором ванной, сохранившейся еще с дореволюционных времен, как впрочем и вся гостиница. Через огромные узкие окна был виден Манеж, Кремль и часть Красной Площади - практически все место действия исторического события, о котором рассказывал Прохор, восседавая в роскошном старинном кресле, не спеша выпивая и закусывая. Один за другим следовали подносы с царским угощением: икрой, семгой, осетриной. Водка, вино, коньяк, шампанское лились рекой. Так случалось всегда, когда Шершефамова посещало вдохновение, которое он принимал как самых взыскательных и капризных своих возлюбленных. Глубокой ночью, когда рассказчик уже выдохся, в дверь тихонько постучала одна из них - гордая и неприступная красавица Людмила Калистенова, обожаемая публикой звезда экрана. Говорили, что она была близким другом (считай любовницей) одного известного престарелого лидера нашей страны. Но она демонстративно опровергала этот слух своими многочисленными скандальными связями. Самый последний ее роман был с режиссером Шершефамовым. Он начался только месяц назад во время съемок исторического фильма, в котором Калистенова играла любовницу царя (это было ее амплуа). Конечно, ее подкупила “широта” режиссера.

Этот свалившийся с неба Прохор мог бы стать прототипом героя фильма, с его комической внешностью, трагической глубиной, общечеловеческим масштабом. Нужно было поближе с ним познакомиться, присмотреться к нему, другими словами включить его в свою “свиту”, а может быть, даже в свиту их Двора. Воодушевленный этой идеей Шершефамов проводил Прохора вниз и сердечно распрощался с ним у входа в гостиницу, сунув ему в карман деньги на такси, так как было уже два часа ночи и общественный транспорт не работал.

Но разве мог он поместиться в такси? Вся Россия была слишком мала для него в эту ночь - таким огромным и великим чувствовал себя Прохор, по крайней мере сейчас... Ему захотелось пройтись пешком и он отправился, беззаботно насвистывая, туда, куда влекло его пьяное возбуждение. На площади Свердлова на фоне огромного бюста Маркса дефилировали ночные бабочки (словно блошки в его почтенной святой бороде). Их много развелось в последнее время. Они

устроили настоящий рынок возле центральных гостиниц, оживляя яркими мазками Монмартра хмурый московский гранит. Две из них слетелись на веселый свист Прохора, приняв его за нетерпеливый сексуальный призыв, и пока они не осознали своей ошибки, счастливый пьяный могильщик уже успел рассказать им, как удачно использовал он вчера ночью свои “исторические инструменты”. Но эти политически не грамотные особы не поняли ни величия данного события, ни причастности к нему Прохора: “Нас больше интересуют твои мужские инструменты. Если хочешь воспользоваться ими, пойдём. А нет, так пошел ты к дьяволу, дядя!” - сказала самая бойкая из них. И кто знает, чем бы закончилась эта стычка, не появившись вдруг из-за угла “Метрополя” милицейский патруль.

Ночные бабочки тут же вспорхнули и растворились в темноте, а Прохор продолжил свой путь, хотя и без прежнего душевного подъема. Вульгарные проститутки спустили его с бархатного неба “Националя” с обитающей там ангелоподобной Людмилой Калистеновой на нашу грешную землю. Но, когда он пришел домой, слова Зинаиды сбросили его еще ниже - в страшные подвалы преисподни:

- Сталина могут выкинуть из Мавзолея, но никто не может выкинуть его из моего сердца. Оно останется для него вечным мавзолеем.

После такого заявления он не осмелился рассказать ей, с какими великими людьми он познакомился этой ночью. Зинаида повернулась к нему спиной и вскоре захрапела. Уже давно это было обычное ее поведение в постели, и Прохор успел к этому привыкнуть. В конце концов, чего еще можно было ожидать от злобной пятидесятилетней бабенки, в жилах которой текла сталинская кровь и которая душой и телом превратилась в женщину-мавзолей? И все же сегодня его это очень задело. Может быть, потому что этой ночью он казался себе удачливым охотником, который принес богатую добычу и не встретил дома подходящего радостного приема от самого близкого ему человека. Он уснул, полный горечи, словно вечный изгнанник из рая, но сон его был сладок: ему снилось, что Господь Бог и его судьба собираются, наконец, сжалиться над ним. И в самое ближайшее время этот сон начал сбываться. Он, который считал каждую копейку, чтобы купить свои законные сто грамм водки или бутылку “Жигулевского” в душистой закуской, и пределом мечтаний которого была пересушенная вобла, вкушал теперь сладкую жизнь московской элиты, повсюду следуя за великодушным Шершефамовым и божественной Людмилой Калистеновой в составе их многочисленной свиты. Он чувствовал себя на седьмом небе каждый раз, когда режиссер знакомил его с новыми людьми: “Дорогие мои друзья, позвольте представить вам настоящего могильщика Сталина”, - говорил тот.

Как же согревали его душу направленные на него любопытные взгляды! Они будто передавали ему свой электрический заряд, раскрывая не известные ему до сих пор его собственные таланты. Память его обострялась, язык становился смелым и образным, особенно в окружении известнейших в обществе людей, которые уже в приличном подпитии забрасывали его самыми странными

вопросами. Им хотелось, например, знать, был ли покойный закопан в своем роскошном стеклянном гробу или его переложили в более дешевый. Оставили ли ему ордена и погоны или сорвали их, как обычно поступают с разжалованными. Действительно ли, как утверждает народная молва, сам Хрущев наблюдал за посмертным поношением тирана и плясал на его могиле гопак и так далее. О чем только они ни спрашивали...

Конечно, все эти разговоры, различные мысли, предположения, реакция его слушателей со временем помогли Прохору обогатить свою языковую палитру более яркими и выразительными красками, каждый раз его рассказ обрастал все новыми и новыми подробностями. В конце концов он настолько серьезно стал относиться в этому делу, что начал вести себя как профессиональный рассказчик, подобно древним рапсодам или старинным русским сказителям:

Без торжественных слов и оркестров,
Без парада и красных знамен,
Без звезд и советской символики
Состоялось его погребение.
Мои скромные инструменты
Подвели роковую черту
Под блеском былой его славы.

Так начиналось его эпическое повествование. Он даже подумывал о том, чтобы купить со временем балалайку для музыкального сопровождения наиболее значимых мест его рассказа.

Освежи хоть чуть-чуть, балалайка,
Души тех, кто страдает в аду ... и т.д.

- Какая же великолепная находка этот талантливый народный поэт, возродивший традиционное русское искусство наших прославленных сказителей,
- распинался воодушевленный Шершефамов перед своими друзьями.

Вскоре слава Прохора вышла за рамки их компании, распространившись на более высокие круги, и достигла, наконец, “Гималаев” московской номенклатуры. Этого новоявленного советского “сказителя” начали уже приглашать в богатые квартиры на улице Горького и на дачи в Серебряном Бору. (Ведь испокон веков русская аристократия покровительствовала народным талантам.) Звезда Прохора росла и округлялась, превратившись в тучное откормленное животное, пасшееся на богатых лугах красного неба: роскошные пиры, скандальные вечеринки, блестящие приемы, пикники - следовали один за другим. Прохор очень быстро узнал привычки и постиг все хитрости и правила игры, принятые в раю, познакомился со многими высокопоставленными лицами. Каждое такое знакомство было подобно символическому векселю или негласному

распоряжению, которые в этом антикапиталистическом обществе были самой эффективной и надежной единицей обмена. Разве смог бы он в своей прежней жизни приобрести этот чисто шерстяной импортный костюм, если бы высокопоставленный чиновник из Министерства торговли не дал ему магическую записку, адресованную директору ГУМа? (Он получил ее в награду за то, что вместе с другими известными артистами развлекал гостей на свадьбе его дочери.) У входа в универмаг с раннего утра была давка, люди ждали, не выкинут ли случайно какой-нибудь дефицит. Очередь растянулась чуть ли ни на километр, а Прохор, как начальник, зашел с черного входа и купил два костюма, причем за обычную цену: 15 рублей каждый. Вторым он в тот же день перепродал за сорок рублей одному знакомому типу из закуской. И только бог черного рынка, самый могущественный из богов в этой полной лишений жизни, знал, какой барыш отхватил тот, перепродал костюм во второй раз. И хотя Прохор одет был с иголки, ему трудно было утаить даже десять рублей от Зины, которая знала до копейки, сколько денег он получал. Появление у него модного костюма он объяснил щедростью Шершефамова, который, якобы, ему его подарил. Режиссер служил ему прекрасным алиби, помогающим водить за нос свою Зинаиду. Позднее он точно так же объяснил появление у него пальто с каракулевым воротником, рубашек, галстуков, ботинок, часов и массы других вещей его изысканного гардероба. Весь этот урожай был результатом его сотрудничества с режиссером и сценаристом. Последний почти каждый день “изучал” Прохора, отмечая его реакцию на поведение людей, различные ситуации, его невозмутимый тон, народные словечки, примитивные стишки. Прохор был для него символом “народного мстителя”, который, наказывал виновных, восстанавливая историческую справедливость. Контуры фильма были уже очерчены, не хватало только финала, достойного впечатляющей первоначальной сцены в Мавзолее. Стандартный советский хэппи-энд никак не сочетался ни с главным героем, ни с вольным воздухом наступившей в стране “оттепели” (Как если бы артист, изображающий Прохора, улыбался, например, глядя на солнце или радугу, символизирующие светлое коммунистическое будущее, или бы выглядывал из окна своей новой просторной квартиры, которую ему дал Моссовет, или же, как он развелся со своей сталинисткой Зинаидой и женился на молоденькой девушке со свободолобивыми принципами и т.д.).

Вскоре Прохор действительно познакомился с такой девушкой. Розовощекая блондинка Вера двадцати шести лет походила на молочно-белого херувима и работала продавщицей мороженого на улице Горького. Ей посчастливилось попасть официанткой на одну из шумных вечеринок в доме Калистеновой, и с первой же минуты она начала потчевать Прохора вместе с напитками и закусками, своими нежными улыбками и игривыми взглядами. В конце концов, она преподнесла ему на золотом подносе и свое сердце...

Конечно, разница в возрасте между ними была слишком большой. Но она скрадывалась тем восхищением, которое испытывала Вера к Прохору Ивановичу,

к его таланту, успехам и особенно к его знакомствам в высоких кругах. Через две недели любовной связи со знойной мороженщицей он уже прочно водворился в ее комнатухе, которая казалась ему раем по сравнению с его остывшим семейным очагом. Несмотря на юный возраст, у Веры за плечами было уже два неудачных замужества и глубокое разочарование в душе после бесчисленных сердечных крушений. Это было существо, изрядно потрепанное любовными штормами, жаждущее найти укрытую от ветра бухту в лице зрелого мужчины, надежного и заботливого семьянина. “Я именно тот, кого ты искала,” - нежно заверил ее помолодевший Прохор. И вскоре доказал, что слов на ветер не бросает. Очень быстро их гнездышко преобразилось до неузнаваемости. Дешевая покосившаяся мебель уступила свое место новой. То же самое произошло и с Вериним гардеробом. Он купил ей модное пальто с воротником из настоящей куницы. Затем последовали холодильник и стиральная машина, которые достались ему без всякой очереди и переплаты. Но что привело ее в полный восторг и отчего она стала любить его еще больше, так это то, что она получила повышение по службе. Прохору удалось сделать это через сценариста Карабинова, который хорошо знал директора магазина, где работала Вера. Теперь она стала продавщицей первого разряда и получила приличную прибавку к зарплате.

Счастливая звезда Прохора подняла его на самую вершину, когда друг Шершефамова художник Коротубин решил написать его портрет. Прохор с большим рвением вызвался позировать ему, так как художник обещал пробить ему через своих знакомых двухкомнатную квартиру, как человеку, оказавшему существенную помощь в таком жизненно важном для страны деле, как окончательное низвержение Сталина со своего пьедестала. (А разве не так?) В ту пору Коротубин был в большой моде. Весь цвет Москвы, как русские, так и иностранцы (западные дипломаты, журналисты и т.д.) любили посещать его небольшую мастерскую на Красной Пресне, которая размещалась в небольшом деревянном домике “а-ля изба”. Говорили, что в свое время Сталин сослал его семью в Сибирь, о чем свидетельствовали и его картины: сибирские пейзажи, хмурые лица, искаженные гримасами боли, обветренные, обмороженные, страдающие от одиночества и несправедливости, покрытые паутиной небеса, безжизненное солнце - картины, изображающие белый заснеженный ад, в котором лишь безграничная вера в Бога и утешительные перспективы облегчающего страдания загробного мира приносили избавление людям с растоптанной душой.

Это долгожданное избавление было отражено в его удивительных иконах, на которых, в отличие от традиционных Рублевских, было очень много света. Благодаря ослепительным краскам, русым волнистым волосам, кудрявым бородам и ярко-красным губам на его иконах, они походили скорее на рекламные проспекты, зазывающие в рай. Сам Коротубин был упитанным молодцем огромного роста с длинной мужицкой бородой, как у староверов (во время

работы он всегда облачался в длинный кафтан). Он, подобно Распутину, был страшным бабником и пьяницей, но вместе с тем оставался очень религиозным человеком.

- Я одену Прохора в рваную рубашку песочного цвета, чтобы он был похож на бедного пастуха, одного из тех, кто был удостоен первым увидеть рождение Христа. Но вместо посоха он будет держать лопату, - объяснял он Шершефамову главную идею своей картины.

- А какое отношение имеет рождение Христа к погребению Сталина? - удивился тот.

- Но ведь в России падение одного означает возрождение другого. Разве ты не понимаешь? - ответил он. - Наши иностранные друзья сразу это поняли. Например, Том из американского посольства уже сейчас сказал, что он покупает портрет Прохора, хотя он еще и не закончен. Он сразу оценил и сюжет картины, и самого Прохора, и его историческую миссию...

И правда, Том очень интересовался этой историей. Он заставлял Прохора вновь и вновь пересказывать ему события той ночи, освежая его память виски, водкой, сигаретами, шоколадом и всякими сувенирами типа авторучек и зажигалок (он всегда приходил в мастерскую с полной сумкой подобных вещей). А однажды он спросил его доверительно, не удалось ли ему стянуть что-нибудь на память о великом покойнике - погон, орден или хотя бы пуговицу с его мундира. Том готов был заплатить любые деньги, лишь бы заполучить столь ценную историческую реликвию. (Он был страстным коллекционером.) Конечно, он очень расстроился, когда Прохор объяснил ему, что он даже помыслить не мог о том, чтобы раскопать могилу той ночью. "Жаль. Ты мог бы стать очень богатым", - вздохнул Том, а Прохор чуть не расплакался, поняв, что упустил Синюю птицу. Да еще ненасытная Вера обрушилась на него со своими попреками: "Боже мой, до чего же туго соображают мужики в практических делах. Это же надо - иметь сокровище у себя под носом, и не взять его. Да и без того ты мог бы ободрать как липку этого американца. Что стоило тебе пойти в комиссионку и купить там какой-нибудь орден, маршальский мундир и всучить их ему? Какая ему разница, этому иностранцу? Что он пойдет проводить расследование? Как только она его ни ругала все эти дни, без конца посыпая солью его рану! Она довела его до помешательства... К счастью, он решил поделиться своей бедой с художником. И тот открыл ему глаза: "А твоя кирка? А твоя лопата? Эти исторические инструменты? Они же самые дорогие реликвии, принадлежащие вечности. Когда-нибудь они найдут подходящее место в музее".

И добавил, заставив Прохора почувствовать себя многострадальным золотоискателем, напавшим, наконец, на золотую жилу:

- Завтра же я поговорю с американцем. Мы очень выгодно продадим твои инструменты, вот увидишь!

- Наконец-то нашелся шустрый малый, способный обвести иностранца вокруг пальца, - похвалила Вера патриотический порыв Коротубина.

В ту же минуту, осадив свой энтузиазм, она задумалась, как сделала бы всякая рассудительная девушка, с детских лет привыкшая к борьбе за существование и хорошо знавшая жизнь со всеми ее уловками:

- Надеюсь, он говорил это серьезно и не решил подшутить над тобой, - недоверчиво посмотрела она на Прохора.

- Это мы увидим завтра, когда я отнесу ему свои инструменты, - ответил Прохор.

Весь вечер они провели в сладостных мечтаниях: интересно, сколько тысяч долларов сможет сорвать Коротубин с этого чудака-иностранца? Конечно, художник как посредник тоже возьмет свой процент (как это принято на Западе), но все равно львиная доля достанется им. В этом нет никаких сомнений. Будучи завсегдатаем в его мастерской, Прохор не раз наблюдал, как дорого продавал тот, особенно иностранцам, все, что у него было: начиная с его собственных картин и икон и кончая другими ценностями и предметами традиционного русского искусства, которые приносили ему и москвичи, и приезжие. (Большинство из них приходило по рекомендации вездесущего Шершефамова с его многочисленными знакомствами и связями во всех слоях советского общества.)

На следующий день по дороге на службу Прохор все прикидывал в уме, как бы ему изловчиться и свистнуть со склада свои “реликвии”. Конечно, он мог бы не рисковать и не совершать эту кражу, а просто купить в магазине лопату и кирку. Но это ему не позволяла сделать его совесть, облачившаяся после той знаменательной ночи в неуязвимые доспехи исторической ответственности. В конце концов, ему хотелось передать свои инструменты прямо в руки бессмертия - и чтобы это были подлинные ценности, а не жалкая подделка. Может быть, даже следует вырезать на ручке свое имя, но лучше сначала спросить об этом Шершефамова. Он остановился на этом решении, когда оказался возле гостиницы “Националь”. (Он всегда проходил мимо нее по дороге на работу.) Режиссер, наверняка, еще спал в этот ранний час. Скорее всего он только вчера вернулся, вместе с Калистеновой, из утомительной поездки на Урал, где он снимал последние сцены о царе Александре и революционерах, предвестниках Великого Октября. Конечно, Прохор не собирался его будить. Он лишь заглянет туда ненадолго выпить крепкого чаю и перекинуться парой слов со своим дружкой Игорем, который только что отработал ночную смену. Его внезапный социальный взлет и знакомство с великими людьми не сделали его настолько высокомерным, чтобы изменились его сердечные отношения со швейцаром и с персоналом гостиницы, хотя они видели его теперь совсем в другом свете и относились к нему с явным уважением и почтением, забыв про прежнюю фамильярность и грубые шутки в его адрес. Они больше не кричали ему при встрече: “Привет, пьянчужка! Куда ты запропастился, старый хрыч?” Теперь они обращались к нему не иначе, как “Прохор Иванович” и “на вы”, сохраняя подобающую дистанцию. Иначе говоря, они вполне осознали, что он находился на вершине холма, а они у его подножья. Если бы Прохор знал, что судьба, поднявшая его на

эту вершину, вдруг нежданно-негаданно даст ему сегодня такого пинка, что он загремит оттуда не просто в прежнюю свою нищету, но еще ниже...

Открывая двустворчатую стеклянную дверь, ведущую в большой холл, он увидел, что со вчерашнего дня с Игорем произошло что-то невероятное: вместо того, чтобы радостно встретить его с распростертыми объятиями, он бросился к нему с искаженным от страха лицом и почти вытолкнул его на улицу, громко шепча ему в ухо: “Уходи, исчезни и никогда больше здесь не появляйся! Сегодня ночью арестовали Шершефамова. Среди вещей, которые он привез с Урала, нашли бесценные иконы и другую церковную утварь. Говорят, он собирался продать их на Запад. За этим киношником стоит целая банда. Я предчувствовал, что ...” Больше он ничего не успел сказать. Прохор подскочил на месте, как ошпаренный, и пустился наутек.

В последующие дни вся Москва, особенно творческая интеллигенция, буквально гудела: все только и говорили, что о разразившемся скандале. Он обрастал все новыми и новыми подробностями и вариациями. Так, рассказывали, что во главе банды стояли Шершефамов и Коротубин. Что же касается обворожительной Людмилы Калистиновой, то она была их вдохновительницей и, возможно, наводчицей, поскольку у нее было множество поклонников среди иностранных дипломатов. Конечно, ее тоже арестовали той ночью вместе с режиссером, но уже через несколько часов освободили (тут явно не обошлось без вмешательства ее престарелого всесильного покровителя), и, вероятно, она отделается легкими царапинами в виде временного отлучения от кинематографа, пока не забудется это дело. А двух других уж точно сгноят в тюрьме...

На какое-то время Прохор затих, благодаря Бога, что пуля не зацепила его, но быстро оправился. Пораскинув как следует мозгами, он пришел к выводу, что арест Шершефамова и компании никак не может бросить на него тень на бирже истории, и он не может быть обвинен в соучастии. Он был и останется человеком, который собственноручно похоронил изгнанного бога. Никто и ничто не в силах отнять у него эту славу. С этим была согласна и Вера: она все время подталкивала его продолжить знакомства с известными людьми, как это было до сих пор. К сожалению, с их стороны он не получал больше ожидаемого радушного приема (некоторые даже делали вид, что с ним не знакомы). Наверняка, их пугали его тесные отношения с компанией Шершефамова, но главная причина такого их поведения была очень проста и по-человечески понятна. Как это часто случается с анекдотами, модой, шлягерами, они потеряли к нему интерес. Наступила очередь других событий, более важных и занимательных, поднимать им настроение и развлекать их. Прохору надо было бы понять, что всему в этой жизни приходит конец - как и самому нашему существованию. Ему бы, как улитке, спрятаться в свою раковину, устроиться там уютно и согреть себе душу приятными воспоминаниями! Увы, он не обладал подобным философским чутьем и начал с упорством неизлечимого наркомана требовать от окружающих прежнего внимания и интереса к своей персоне. Он словно Адам, не желающий

смириться со своим изгнанием из рая, предпринимал бесконечные контратаки, стараясь отвоевать утерянные позиции. Он начал без приглашения стучаться в знакомые двери, добиваться встреч с высокопоставленными чиновниками, звонить очень занятым людям и даже заявляться в шикарные рестораны и закрытые клубы, где они были завсегдатаями - словом, цеплялся к ним, как репейник.

Но своего апогея его возмущение достигло тогда, когда его покинула корыстолюбивая Вера, поняв, что ее “заботливый семьянин” выдохся. Она тут же взяла себе в любовники инспектора Центральной продуктовой базы и вскоре стала заместителем директора своего магазина. Прохор с горя запил и быстро покатился вниз, неумолимо приближаясь к самому краю своей увечной судьбы. Однажды вечером он отправился в “Мороженое”, чтобы уговорить Веру вернуться к нему. Какой-то служащий, не знавший Прохора, сказал ему, что Вера в кабинете и у нее совещание с инспектором Центральной базы. Конечно, Прохор тут же смекнул, какова тема этого совещания, и пока никто не спохватился, быстро прошмыгнул в магазин через черный ход и начал яростно колотить в дверь кабинета, требуя от инспектора выйти и поговорить с ним как мужчина с женщиной. На шум прибежали рабочий и две продавщицы и пытались его унять, но быстро отступили, увидев, как здоровяк Прохор, с могучими ручищами, размахивает стулом. Пока они бегали за подмогой, тот успел выломать дверь, навалившись на нее всем своим весом, и вытащить своего соперника в коридор для решительного разговора. Он дико орал, высокомерно глядя на перепуганного инспектора: “Я вытряхнул из Мавзолея самого Сталина, а ты хочешь улизнуть от меня, жалкая тощая селедка!”

Его огромные кулаки землекопа превратили бы того в месиво, если бы подоспевшие милиционеры не схватили его за руки.

Прохора сопроводили в милицейский участок, и там констатировали, что человек повредился в рассудке. Вот так он угодил в психиатрическую больницу, персонал которой страшно мучался с ним: он был очень буйным и неуправляемым, особенно по ночам. Когда затихал шум большого города и в гулкой тишине раздавался бой Кремлевских курантов, он начинал бесноваться и кричать, что пришел час его великой исторической миссии. Он требовал, чтобы его развязали, уверяя, что он должен вновь закопать Страшного Покойника, который вышел из своей могилы...

Позже время и лечение обуздали его бред и фантазии, и болезнь его перешла в новую стадию, более достойную и цивилизованную. Он часами сидел на кровати или, когда была хорошая погода, на скамейке в саду и лихорадочно писал свои воспоминания о великой ночи в Мавзолее. Для этого он использовал любой клочок бумаги, попадавшийся ему в руки, и даже туалетную бумагу, так что надзиратели и медсестры вынуждены были его обыскивать каждый раз, когда он ходил по нужде.

С другими “знаменитостями” больницы (Наполеоном, царем, известными

революционерами, философами, учеными и т.д.) у него не было ничего общего. Он всегда прогуливался в одиночестве, глядя прямо перед собой куда-то вдаль, далекий от мирской жизни, с видом человека, чьи неоценимые заслуги перед окружающими остались без должного вознаграждения. А разве за воротами психиатрической больницы мало людей, причем совершенно здоровых, которые хранят в своей душе подобные обиды? Да взять ту же Зинаиду, у нее были все причины предъявлять к нему претензии, и вполне справедливые. Всю жизнь она заботилась о нем и поддерживала его во всем, и в результате, вместо благодарности, он бросил свой семейный очаг и сбежал к мороженщице, этой лицемерной и меркантильной шлюхе. И все же она не держала на него зла. Она всеми силами старалась облегчить его заточение в дурдоме. Три раза в неделю она навещала его, приносила ему свежее белье, домашнюю еду, сигареты, свою нежность и заботу, которые рождали в нем ностальгию по прежней “приземленной” жизни. Как ни прекрасны заоблачные высоты славы и удачи, с них так легко загреметь вниз, особенно, когда ты пьян. А ведь если подумать хорошенько, лишь их маленькая комнатуха могла обеспечить ему полную безопасность... И Прохор начал думать. Как говорили врачи, это стало началом того, что к нему вновь возвращался рассудок. Наконец, после двух лет, проведенных им в этом заведении, он получил желанную выписку, причем в истории болезни значилось: “Пострадал на службе”. Эта запись была заслугой Зинаиды, обегавшей кучу всевозможных инстанций, пока не добилась заветной цели - и здесь помогла ее партийная закалка...

Возможно, на этом и закончилась бы история кремлевского могильщика, и он бы снова зажил себе спокойно со своей Зинаидой, если бы угрызения совести не обрушились вдруг на него всей своей тяжестью. Когда он вспоминал сладкую жизнь в “Национале”, пьянки с Шершефамовым, свои знакомства с известными людьми и, особенно, свой “побочный заработок”, пока он еще был в седле, стиральную машину и пальто с куньим воротником, которые он купил для Веры, Прохор впадал в глубокую меланхолию и очень сердился на себя. Единственный раз ему дан был шанс насладиться всеми благами мира, и, вместо того чтобы поделиться ими с верной спутницей своей жизни Зинаидой, он потратил их на жалкую алчную шлюшку. Раскаяние хватало его за горло и начинало душить. (Кто читал “Воскресенье” или “Преступление и Наказание”, те знают, на какие страшные муки обрекают русскую душу угрызения совести.) Если бы произошло что-нибудь такое, что бы дало ему возможность все исправить!.. Но что? К счастью или несчастью, он вылечился окончательно от своего безумия и прекрасно понимал, что Сталин уже никогда не выйдет из своей могилы, власти больше не прибегнут к его услугам, и ничто не сможет вернуть ему всеобщее внимание. (Если бы люди вновь умирали от любопытства и он был бы нарасхват, то на бесконечные встречи и вечеринки с самыми известными людьми он приходил бы уже под ручку с верной Зинаидой. И кто знает, может быть, ему встретился бы на пути другой Шершефамов, не обладающий пороками

последнего, который открыл бы ему дорогу в кинематограф и обессмертил бы его историю...) Но похоже, к большинству людей удача и слава приходят только раз в жизни, как радость любви к весенним насекомым... Тяжесть горестного осознания “никогда больше” отпускала его лишь тогда, когда он собирал все свои силы, изрядно подкрепив их водкой. Прохор опять зачастил в знакомую пивную, заглушая тоску в компании старых друзей.

Однако, домой он возвращался рано, вел себя благоразумно и сдержанно, не досаждая, как прежде, соседям, своими дикими воплями, бранью и непристойными песнями. Зинаида была очень довольна и с победоносным видом поглядывала на соседей, словно дрессировщица, только что окончившая опасный номер и загнавшая в клетку непокорного хищника...

Вдруг однажды вечером все изменилось, и болезнь Прохора неожиданно дала рецидив. Он с грохотом открыл входную дверь, ввалился в длинный коридор и, громко топая, направился к своей двери, раздавая по пути пинки многочисленным тазам, цинковым корытам, шкафам, баулам, велосипедам, детским коляскам и другому барахлу, нагроможденному вдоль стен. “Зина, Зинушка, Зинаида-а-а! - ревел он глухим пьяным голосом, в котором звучали радостные возбужденные нотки. - Выходи скорее, у меня для тебя хорошие новости! Ты очень обрадуешься, голубка моя ненаглядная!” Зинаида вышла, разъяренная, растрепанная, в халате, накинутом поверх ночной рубашки, самолицетворение Немезиды. Слова ее были подобны шелкающим в воздухе ударам кнута.

- Ты опять взялся за свое?.. Проклятый пьяница!

Но Прохор не испугался и даже не утратил своего прекрасного настроения.

- Когда ты услышишь, что я тебе скажу, у тебя найдутся для меня другие слова. Прекрасные, сладкие и хвалебные, - заверил он ее.

Они вошли в свою комнату, и головы их соседей, высунувшиеся из многочисленных дверей, были готовы снова спрятаться в свои норки, как вдруг раздался душераздирающий крик Зинаиды, и она снова выскочила в коридор с выпученными от ужаса глазами: “Он сошел с ума, сошел с ума”, - только успела сказать она и упала в обморок.

Половина соседей бросилась приводить ее в чувство, а другая половина грозно окружила ее мужа, который стоял на пороге, с наивным и недоуменным выражением на простодушном грубоватом лице и странным блеском в невинных глазках (в которых не было больше прежней вялой покорности).

- Что ты сделал со своей женой, Прохор Иванович? - строго спрашивали они его.

- Что я мог сделать со своей любимой голубкой? - пожал он плечами. - Я всего лишь поделился с ней одной мыслью, имеющей историческое значение, которая осенила меня сегодня. Но как только она услышала об этом, она подпрыгнула до потолка, словно дикая кошка, которой налили в задницу скипидар...

- И что же это за мысль?

- Дорогая моя женушка, - сказал я ей, - Если наши вожди и Россия, наводненная Шершефамовыми, Людами и Верами, будут шагать вперед такими же темпами, то недалек тот день, когда из Мавзолея выкинут и самого Ленина. И, простите, кого тогда пригласят его закапывать? Конечно, меня. Учитывая мой предыдущий опыт...

При этих кощунственных словах глаза его утратили невинное выражение и запылали страстным огнем. Он не придал никакого значения охватившему всех ужасу и продолжил свои рассуждения о том, что он готов выполнить свой долг и завершить свою выдающуюся историческую миссию, в которой он был главным действующим лицом. Он даже предусмотрительно сочинил уже первые строчки соответствующей поэмы:

И если все пойдет по тому же пути,
Тебя тоже, бедняга Ленин, выкинут
Из величественного Мавзолея.
Из красного корабля Советов,
Отчалившего со столькими мечтами на борту,
Которые все теперь развеяны по ветру.

Конечно, его сразу упрятали в сумасшедший дом, из которого он никогда уже больше не выйдет. Нет пророков в своем отечестве...

Афины, 1979-80 г.г. translation by Galina Ivanova, UNOG

SCAT- STAFF CULTURAL ACTIVITIES THURSDAYS

On Thursday, 18 May 2006, the UN Music Club and the UN Society of Writers made a joint performance in the Cinema of the Palais des Nations, Geneva, to launch the SCAT (Staff Cultural Activities Thursdays), a lunchtime series of cultural events for and by staff at UNOG. Among others, Maureen Gumbe amused the audience with her poem "Job Application", Karin Kaminker perked up our appetite for "Mozart Kugeln", Zafar Shaheed made us ponder "Departure", David Walters challenged us with "Who shall Watch over the Shepherds", Beth Peoc'h delighted us with "Maori Fish Hook" and Alfred de Zayas dialogued in an ode to his computer "A mi ordenador". A multilingual selection of poems from *Ex Tempore* No.16 was presented in a Powerpoint slide show before and during the performance. A jazz trio composed of UN Music Club members created a live musical backdrop for the poems.

From L to R: UNMC musicians-C.Darusman (Piano), N Stauble, (bass). P.Piguet (flute). UNSW/SENU authors-V.Virdee, A.Ezana, B.Peoc'h, S.Schenck, J.Yemin, A.Intrator, Z.Shaheed, K.Kaminker, A.de Zayas, A.Dedeyan, C.Freeman.

Photo by:Michael Gerrard, UNHCR

We invite you to subscribe to Ex Tempore and support the United Nations Society of Writers. The membership fee is Sfr 30 per year. Please fill in the form below and send it to: Alfred de Zayas, zayas@bluewin.ch or to Karin Kaminker, k.kaminker@gmail.com

Please send your membership fee or generous donations directly to EX TEMPORE'S account with UBS, branch office at the Palais des Nations, account No. CA-279-100-855.

Membership is open to active and retired staff and their spouses, fellows and interns of the United Nations, specialized agencies, CERN, Permanent Missions and Observer Missions, Inter-Governmental Organizations, NGO's and the Press Corps.

Membership Form:

.....

Organisation/Room No/Ext.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

For the Journal's 2007 issue, the Editorial Board invites literary efforts of general interest, short stories, science fiction, humour, poems or aphorisms in any of the UN official languages (or in other languages accompanied by a translation into a UN language). Please send these, together with a disk in Microsoft Word to the Editorial Board, c/o A. de Zayas, 23 Crêts de Pregny, CH-1218 Grand Saconnex, or electronically: zayas@bluewin.ch or k.kaminker@gmail.com in format Times New Roman, 12 pt font.

EX TEMPORE Vol. XVII 2006

**UNITED NATIONS SOCIETY OF WRITERS
VOLUME XVII 2006**